

St.Petersbourg Centre for Oriental Studies

Центр "Петербургское Востоковедение"

聖彼得堡東方學中心

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

聖彼得堡東方學通報

St.Petersburg Journal
of Oriental Studies

выпуск 2

volume 2

Центр

"Петербургское Востоковедение"

и

Издательско-Коммерческая Фирма

"В о д о л е й"

Санкт-Петербург

1992

С в е т л о й п а м я т и

Ольги Лазаревны Фишман

О СБОРНИКЕ ЛЮ ФУ "ВЫСОКИЕ СУЖДЕНИЯ У ДВОРЦОВЫХ ВОРОТ"

И.Алимов

Музей антропологии и этнографии им.Петра Великого
(Санкт-Петербург)

1

Среди многочисленных и разнообразных по форме и содержанию письменных памятников, которые щедро преподносит вниманию исследователя китайская культура, авторские сборники бицзи 筆記 занимают отдельное, особое место.

История их возникновения восходит к началу нашей эры и теснейшим образом связана с появлением и развитием сюжетной прозы сяошо 小說. Суммируя имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства, отметим, что до Хань и при Хань (до 220 г.) под сяошо понимались некие краткие записи, для которых был характерен "вульгарный" язык изложения, а основное их содержание составляли самые различные события обыденной жизни, причем, отношение к этим записям было весьма пренебрежительным¹. К

¹ Как известно, впервые термин "сяошо" встречается у Чжуан-цзы, где под ним подразумеваются рассуждения о мелочных, сиюминутных предметах в противопоставлении речам о возвышенном и великом Дао (60, т.2, с.296). Еще Лу Синь обратил внимание на то, что у Чжуан-цзы "сяошо" употреблено совсем не в том смысле, в каком стало употребляться позже (49, с.15). У Бань Гу мы находим толкование, близкое по смыслу к представлениям о сюжетной прозе: "Направление сяошо, конечно, развилось из байгуань (специальные чиновники, разъезжавшие по стране с целью сбора сведений об умонастроениях среди народа и записывавшие то, о чем народ говорит - И.А.). Это то, что создавалось из разговоров на улицах и пересудов в переулках, слухов и сплетен" (53, т.6, с.1745). Однако, при явном противопоставлении великого возвышенного пути Дао благородных мужей, приличествующих Дао высоких рассуждений и - низменных, недостойных внимания слухов и сплетен, ходящих среди простолюдинов, признавалось, как кажется, что и в этих слухах и сплетнях есть полезное. Бань Гу, ссылаясь на Конфуция: "Конфуций говорил: "Даже на узенькой тропке есть вещи, достойные

сожалению, из упомянутых Бань Гу (32-92) в "Истории династии Хань" ("Хань шу") пятнадцати сборников сяошо до нас не дошел ни один, и судить более подробно об этом мы не можем.

Гораздо более обширны сведения о развитии сяошо в послеханьское время, в исторический период, известный под названием Наньбэйчао (Южные и Северные династии, 265-589). Это время характеризуется появлением множества произведений сяошо ("лючао сяошо", по терминологии, принятой в китайской филологической науке), изрядная часть которых ныне нам известна благодаря деятельности китайских ученых - текстологов и библиофилов, составивших множество антологий и сохранивших до наших дней отрывки из утерянных сборников.

Материалы названного периода показывают, сколь широкий смысл вкладывали в старом Китае в понятие "сяошо": "Древнейшие крестьянские мифы и легенды; короткие притчи и анекдоты, с помощью которых философы хотели придать окраску и убедительность своим учениям; просто разговоры "людей с улицы" (легенды и сказки); письменные собрания дикувинок - такие как "Книга гор и морей" ("Шань хай цзин"); коллекции исторических анекдотов, сочиненные позднее в подражание этим древнейшим дикувинам; совершенно романтические сочинения, авторские или в составе коллекций; собрания отдельных высказываний; даже отдельные произведения литературной критики - для всего этого применялось наименование "сяошо" (34, т.1, с.13). Традиционно прозу сяошо этого времени в плане содержания принято делить на две большие группы - "чжигуай сяошо" (志怪小説 об удивительном) и "иши сяошо" (軼事小説 о событиях, или "чжижэнь сяошо" 志人小説, о людях)². Однако с формальной стороны произведения этих двух

внимания" (там же). Хуань Тань (33 г. до н.э. - 39 г. н.э.): "А что до авторов сяошо, то они, собрав вульгарные низкие выражения, придают им вид рассуждений с выводами и таким образом у них получаются короткие записи, где бывают высказывания, вполне приемлемые для самоусовершенствования или при управлении домом..." (63, с.44)

² См.: "Большинство сяошо этого периода по содержанию можно отнести к одной из двух групп: одна - это "чжигуай сяошо", где собраны рассказы об удивительных вещах, связанных с духами и душами умерших; другая - "иши сяошо", где

групп принципиально не отличаются друг от друга: это скупые, короткие записи, фиксирующие определенный сюжет. Да и содержательное деление лючао сяошо на чжигуай и чжижэнь тоже весьма условно, границы этих групп достаточно расплывчаты, ибо "волшебный мир" (удивительное, потустороннее, сверхъестественное) воспринимался в старом Китае неотрывно от мира людей.

В танское время (VII-IX вв.) развитие прозы сяошо закономерно привело к появлению нового жанра - новеллы чуаньци 傳奇, для которой характерна акцентуализация определенных типов героев, более широкое использование выразительных средств языка (в том числе обилие описаний, диалогов), частое сочетание прозаического текста со стихами, развернутый сюжет³.

Промежуточной ступенью от лючао сяошо к новелле чуаньци принято считать некоторые дошедшие до нас раннетанские прозаические произведения, в том числе "Записки о древнем зеркале" 古鏡記 Ван Ду (585?-625?). Это не просто коллекция

собраны записи каких-либо происшествий или предания" (61, т.1, с.297). Чжэн Чжэнь-до делил сяошо этого периода на "хуа цзи тань" 滑稽談 или "сяо тань цзи" 笑談集, т.е. коллекции анекдотических смешных случаев, и сборники, в которых собраны записи удивительных слухов и событий (чжигуай), (62, т.1, с.223-224). Современный исследователь Тэн Юнь приводит более подробную тематическую классификацию: чжигуай сяошо, которые, в свою очередь, подразделяет на боу чжигуай 博物志怪, (о различных удивительных вещах), лиши чжигуай 歷史志怪 (об удивительных исторических событиях), гуйшэнь чжигуай 鬼神志怪 (о чудесах душ умерших и духов), последняя группа делится на собственно гуйшэнь чжигуай и баоин чжигуай 報應志怪 (о чудесах, связанных с загробным воздаянием); иши сяошо Тэн Юнь делит на собственно иши сяошо и сяохуацзи 笑話集 (собрания смешных историй), (51, с.3-4). Кстати, сочетание 志怪 впервые встречается также у Чжуан-цзы - в значении "записывать необычайное" (60, т.1, с.1).

³ Сам термин "чуаньци" - более позднего происхождения. В раннесунское время (до XII в.) под чуаньци понимали еще исключительно произведения из одноименного сборника танского Пэй Сина (IX в.). В сравнении с дотанской прозой в новелле чуаньци внимание автора сосредоточено на вполне определенном типе главного героя - это студент, готовящийся сдавать экзамены или сдающий экзамены на право занятия вакантной должности, молодой, только что получивший должность чиновник и т.п. и прекрасная дева, возлюбленная главного героя, часто обладающая волшебными свойствами.

отдельных эпизодов, собранных вместе, их объединяет общее действующее "лицо": древнее - и потому чудесное - зеркало. Ван Ду выступает и автором отдельных сяошо, и автором всего "жизнеописания" зеркала в целом, еще не произведения в новом жанре, но уже и не собрания разрозненных записей.

Чрезвычайно важным является то обстоятельство, что основной единицей бытования прозы сяошо еще до появления новеллы чуаньци стал сборник такого типа, где объединялись отдельные прозаические отрывки, записи сюжетов, не связанные друг с другом и, как правило, не озаглавленные⁴. Название получал сборник в целом и под полученным названием он становился известным и популярным, в ряде случаев его название даже использовалось как обозначение жанра. Например, появление книги Пэй Сина, озаглавленной "Чуань ци", вызвало целую волну подражаний, и слово, вынесенное в заглавие, стало мало-помалу новым жанровым обозначением. Другая немаловажная проблема, возникающая при изучении средневековых сборников, это проблема авторства. Сегодня мы считаем автором того человека, чьим именем подписан сборник. Необходимо учитывать, что личностное, т.е. авторское начало выражалось часто не в сочинении определенных произведений, но в принципе их подбора, компиляции. Автору было важно подобрать возможно большее количество тематически объединенных сюжетов или рассказов. Часть прямо заимствовалась из произведений предшественников, иногда в неизменном виде, иногда с частичными текстовыми изменениями, или с прибавлением оригинального резюме⁵.

⁴ Сборник, как главная форма бытования письменных произведений, характерен для средневековой письменной традиции, разумеется, не только Китая. Ср. у акад. А.С. Орлова: "Надо иметь в виду, что древнерусская книжность состояла преимущественно из сборников, небольших, так сказать энциклопедий, включавших в себя статьи, объединенные каким-либо отдельным жанром, или составленные бессистемно, как бы взамен целой библиотеки разных произведений" (21, с.46)

⁵ Так, например, уже ханьский Лю Сян (77?-6? гг. до н.э.), следуя конфуцианской традиции "Не создаю, а передаю то, что говорили до меня", составил, работая в императорском книгохранилище, ряд явно компилятивных сборников для

Средневековое творчество компилятивно, и что касается ранних сборников сюжетной прозы сяошо, то говорить здесь уместно в первую очередь об авторе-компиляторе, по-своему подбирающем материал, заимствованный из разных источников (частью оригинальный: вопрос в том, сколь велика оригинальная часть?) в состав сборника⁶.

2

Таким образом, с одной стороны, до эпохи Сун (960-1279) китайская сюжетная проза сяошо (тематически распадающаяся на чжигуай - об удивительном, и чжижэнь - о событиях), распространялась в форме авторских сборников, объединяющих в себе независимые, законченные произведения с определенными сюжетами. На примере таких дотанских сборников, как "Записки о поисках духов" 搜神記 Гань Бао (IV в.) для чжигуай сяошо и "Новые повествования нашего века" 世說新語 Лю И-цина (403-444) для чжижэнь сяошо видно, что в сборниках, относимых к чжигуай, собраны, главным образом, необычайные 異, удивительные 怪 истории о волшебстве и необычных существах (душах умерших 鬼, духах 神, оборотнях 妖 и пр.), а в сборниках чжижэнь сяошо собраны истории, которые мы сегодня по большей части назвали бы анекдотами⁷. Одновременно существовали сборники, объединявшие в себе исключительно новеллы чуаньци, в которых обе темы - удивительного и обыденного - выступают в единстве, и,

назидательного чтения при дворе, куда тематически подобрал истории, почерпнутые из книг предшественников. Многие из этих книг ныне утеряны, и их, фрагменты, кстати, сохранились лишь в сборниках, подписанных именем Лю Сяна.

⁶ Ср., например, с древнерусской письменной культурой, где писатель, по выражению акад.Д.С.Лихачева, творил, "не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое" (18, с.108) и "переносы из произведения в другое образов, мыслей, отдельных кусков текста, создание новых произведений на новые сюжеты на основе предшествующих были постоянными" (19, с.264). См.также: (9).

⁷ Т.е. описания неких, необязательно смешных случаев (событий) с человеком (людьми), часто хорошо известным; описания происшествий, вырванных из общего контекста.

хотя в ранних чуаньци преобладает удивительное, танские новеллы, вовсе лишённые всякого волшебства - не редкость⁸.

С другой стороны, в танское время появились и получили распространение такие сборники, в которых проза сяошо (как чжигуай, так и чжижэнь) совмещалась с заметками, рассуждениями, а иногда и с новеллами чуаньци, т.е. стали появляться жанрово неоднородные сборники. Трудно сказать, когда и где конкретно впервые произошло такое совмещение. Новый тип сборников имел историческую направленность, авторы их прежде всего ставили задачу собрать воедино сведения о том или ином историческом событии или периоде, более или менее протяженном⁹. Характерное для китайского ученого-книжника стремление к возможно более полному охвату материала как раз и собирало вместе произведения разных жанров. Но одновременно стали появляться сборники несколько иного рода - в них внимание было сосредоточено либо на каком-то лице, группе лиц, либо на месте и на связанных с ним случаях, происшествиях, рассказах¹⁰. В

⁸ Тематическое деление на чжигуай и чжижэнь в чуаньци снимается постольку, поскольку в центре внимания автора чуаньци стоит не сюжет, как самоценность, а герой повествования; в этом смысле новеллы чуаньци стоят гораздо ближе к литературе в современном понимании слова.

⁹ Возьмем, к примеру, "Хвалебные речи о Суй и Тан" 隋唐嘉話, сына знаменитого историографа Лю Чжи-цзи (661-721), Лю Су (VIII в.), тоже служившего по исторической части. Сборник насчитывал в своем составе три цзюани, из которых дошло немногим более 160 отрывков, и был посвящен разным событиям от Цзинь до Тан (с 265 по 907 г.), но преимущественно суйским и танским. Edvards отмечает, что большинство историй из этого сборника выполнены в дотанском историческом стиле, но не являются исторически достоверными (34, т.1, с.74). "Дополнения к Истории государства" 國史補 или "Дополнения к Истории танского государства" 唐國史補 Ли Чжао (IX в.) дошли до наших дней в объеме 75 отрывков из 250. В этом сборнике содержатся во многом уникальные сведения, касающиеся событий при Тан от годов под девизом правления Кай-юань до Чан-цин (с 713 по 924 гг.). Сборник "Танские Новые повествования нашего века" 唐世說新語 Лю Су охватывает исторические события от начала правления династии Тан до годов под девизом Да-ли (т.е. до 779 г.), до нас дошло около тринадцати цзюаней. Этот сборник интересен еще и тем, что претендует на продолжение сочинения Лю И-цина.

¹⁰ Например, "Записки о /придворной/ школе актеров" 教坊記 Цуй Лин-цин (VIII в.), ничем, кроме этого сборника, не прославившегося. Сборник содержит

китайской филологической науке такие сборники принято называть "бицзи"¹¹: "сяошо появились при Хань, а бицзи - при Тан" (40, с.1). Сборники бицзи возникли в результате развития сюжетной прозы сяошо и объединения ее с философской и эссеистической прозой в сборники смешанного типа. Соединяя прозу различных форм - сюжетную и бессюжетную, авторы бицзи тем самым дали жизнь принципиально новой форме текста, не знающей, фактически, жанровых ограничений и справедливо названной О.Л.Фишман "наджанровой системой" (29, с.6). Эти сборники наряду с историческими фактами, описанием лиц и событий, имевших место в реальной жизни и подтверждающихся по другим источникам, включили в себя также рассказы о необычайном, соединив обыденное и волшебное¹².

Начало подлинного расцвета бицзи относится к эпохе Сун (960-1279), ко времени бурного подъема всей китайской культуры и в первую очередь - культуры письменной. Распространение ксилографии, изменение самой формы книги - от свитка к брошюровке в виде тетради, огромное увеличение книжной продукции сделали книгу доступной самым широким слоям

сведения об этой школе, ее устройстве, обычаях и нравах в годы под девизом Кай-юань, подробности о музыкальных инструментах и музыке. Книга дошла до нас полностью и представляет собой ценный памятник для изучения музыкальной культуры танского времени. В "Записях о северном предместье" 北里志 Сунь Ци (IX в.) говорится о жизни певичек в "веселом квартале" Чанъани - Пинкане и об их взаимоотношениях со служилым сословием; сборник дошел полностью. Основным содержанием сборника "Дружеские беседы в Юньси" 雲溪友議 Фань Шу (IX в.) являются истории, связанные с танскими поэтами и их стихами и пр. Все перечисленные сборники переизданы в последнее время.

¹¹ Впервые термин "бицзи" был употреблен в названии такого типа сборника в сочинении Сун Ци (998-1061) "Заметки господина Сун Цзин-вэня" 宋景文公筆記 (4)

¹² Впрочем, определенное разделение в части удивительного и обыденного до определенной степени сохранялось в танских бицзи, и часто - искусственным образом. Например, Ли Чжао в предисловии к своим "Дополнениям..." написал: "Рассказы о воздаянии, повествования о душах умерших и духах, описания предсказаний во сне, подробности, что называется, домашнего занавеса, я все отбросил, а оставил - описания подлинных событий, попыток постижения законов сущего, прояснение сомнительного, предостережения, описания нравов и обычаев, записи шуток и бесед" (40, с.1)

населения и гораздо более удобной в обращении. Стали более доступны знания и образование. В 1044 году правительственным указом школы были учреждены повсеместно в областных и уездных городах (30, с.133- 134).

Изменения произошли и в отношении к учености, и к знаниям, необходимым для сдачи экзаменов на право занятия вакантного чиновничьего поста; здесь стали предъявляться более высокие требования, что вызвало появление многочисленных изданий, соответствующих до известной степени европейским энциклопедиям (лэй шу) (40, с.147)¹³. Лэйшу представляли из себя систематически организованные подборки извлечений из различных сочинений самой широкой тематики¹⁴. Обратившись к такому изданию, читатель получал весь комплекс знаний, необходимых цитат по тому или иному понятию, вынесенному в заглавие раздела.

Общие тенденции не могли не коснуться и сборников бицзи. Кажется, каждый крупный сунский литератор и чиновник оставил после себя такой сборник¹⁵. Некоторые из них значительны по объему и потребовали от автора многого времени и усилий: в них царит строгая организация материала по разделам, интересовавшим автора; некоторые, маленькие и хаотические по

¹³ Решительные изменения в китайской культуре эпохи Сун лишний раз свидетельствуют о том, что книга является определяющей категорией культуры, и изменение типа книги знаменует собой грандиозные изменения и в общественном сознании. Ср.: "Появление пергаментного кодекса вместо папирусного свитка совпало с величайшей мировой революцией, сведшей со сцены классическую языческую античность и открывшей путь к новому миру..." (16, с.25)

¹⁴ Так, в начале правления династии Сун по императорскому приказу было предпринято составление и издание целого ряда подобных лэйшу - "Обширные записки годов Тай-пин" 太平廣記 в пятистах цзюанях, "Императорское обозрение годов Тай-пин" 太平御覽, тысяча цзюаней; "Пышные цветы садов литературы" 文苑英華, тысяча цзюаней.

¹⁵ Наиболее полный свод бицзи 筆記小說大觀 включает в себя более сорока сунских сборников; отбор их был весьма произволен, и многое осталось за рамками. Существующие пробелы частично позволяют восполнить две выходящие сейчас в КНР книжные серии 唐宋史料筆記叢刊 и 宋元筆記叢書, также далекие от полноты.

содержанию, производят впечатление черновой записной книжки ученого-литератора, сохранившей мысли, наблюдения, наброски, выписки и сведения, не вошедшие в другие сочинения. Но уже в ранних сунских бицзи заметна тенденция к энциклопедическому, а не узкотематическому охвату материала, и кажущаяся хаотичность, возможно, обманчива – такое впечатление возникает оттого, что мы не понимаем пока до конца принципы организации этих текстов.

Такое понимание может стать результатом комплексного изучения бицзи как особой формы авторского сборника в ее историческом развитии. Определение места бицзи в литературном процессе помогло бы правильно оценить и материал, извлекаемый из этих сборников, но пока проблема остается вне поля серьезных исследований; даже попытки дать определение бицзи встречаются крайне редко и не подкреплены должным количеством материала, не существует пока и общепринятой их классификации¹⁶. Лю Е-цю, автор единственного до сего времени исторического очерка бицзи, выражает до определенной степени общее расхожее мнение, предлагая делить сборники бицзи на "сяошо гуши бицзи" 小說故事筆記, т.е. содержащие главным образом фрагменты сюжетного характера, маленькие и короткие (именно эти сборники, по мнению Лю Е-цю, следует относить к бицзи сяошо¹⁷), "лиши

¹⁶ Число научных работ, посвященных бицзи, несоизмеримо мало по сравнению с числом дошедших до нас памятников. Китайские филологи изучают бицзи преимущественно текстологически. Первоочередная задача для них – критическое издание текстов, в котором присутствует необходимый текстологический комментарий, даны поправки и уточнения, устранены ошибки и неясности, решаются или уточняются проблемы авторства, времени создания текста и т.д. (см. отдельные работы такого типа: 50, 52 и др.). В русле традиционной китайской филологии предпринимаются попытки создания словарей бицзи или очерков истории бицзи (37, 44). Особого упоминания заслуживает ряд статей Чжан Хуэя (57, 58, 59 и др.). Кстати сказать, бицзи позднего времени больше привлекают внимание исследователей – из отечественных работ см., например, труды О.Л.Фишман, внесшей существенный вклад в изучение цинских сборников (28, 29, 31, 33)

¹⁷ В китайской филологической науке существуют и свободно друг друга заменяют два термина – "бицзи" и "бицзи сяошо", которые большинство ученых отождествляет безо всяких объяснений. Редко можно встретить такое даже

совэнь бицзи" 歷史瑣聞筆記, т.е. сборники, содержащие исторические сведения неофициального характера, не вошедшие в официальные исторические сочинения либо дополняющие их; и "каоцзюй бяньчжэн бицзи" 考据辨証筆記, т.е. сборники, посвященные разного рода неточностям, ошибкам, трудным местам, словам, понятиям и их исправлению, уточнению, разъяснению (44, с.3). Следует помнить, что подобное деление крайне условно и касается исключительно содержания. Однако тот же Лю Е-цю пишет: "Я полагаю, что главной характеристической чертой бицзи в плане содержания будет "разнообразие" 雜: несвязанность тематическими рамками, записи того, что слышал сам; в плане формы - "свобода, несвязанность" 散: длинное и короткое, произвольность компоновки" (44, с.5). Таким образом, относя тот или иной сборник бицзи к одной из вышеназванных групп, мы имеем в виду, что в нем преобладают фрагменты какого-то определенного типа - сюжетные, исторические или "каоцзюй бяньчжэн", но - не более того¹⁸.

3

Сборник бицзи, о котором пойдет речь ниже, - "Высокие суждения у дворцовых ворот" (Цин со гао и" 青瑣高議) следует относить к первой группе - "сяошо гуши бицзи"¹⁹. Специально этот

замечание: "так называемые бицзи или бицзи сяошо - это традиционное понятие, разнообразное и по форме, и по содержание" (37, с.5)

¹⁸ Приведенная классификация бицзи далека от совершенства, но в данной работе мы ограничиваемся ею, оставив обозначенную проблему на будущее. Краткую характеристику некоторых сунских сборников бицзи см. в наших работах: (2, 4, 5, 6).

¹⁹ Б.Л.Рифтин предлагает другой перевод названия сборника - "Высокие суждения у зеленых дворцовых ворот" (25, с.30). См. также вариации К.И.Голыгиной - "Высокие суждения у зеленых ворот" (14, с.65) и "Суждения о нравственном у зеленых ворот" (24, с.11). Все эти переводы в равной степени отражают содержание названия, но, как мне кажется, в данном случае нет необходимости переводить 青 как "зеленый", ибо понятие 青瑣 с древности используется в переносном смысле для обозначения любых ворот, ведущих в дворцовые покои. Уже в "Истории династии Хань" есть упоминание о том, что ворота дворца

сборник в России не исследовался, а равно и - по имеющимся у меня сведениям - за рубежом²⁰. Между тем, он ценен как степенью сохранности, так и жанровым своеобразием: это единственный раннесунский сборник бицзи, содержащий в своем составе новеллы чуаньци, и именно из него Лу Синь почерпнул ряд новелл для своего знаменитого "Сборника новелл чуаньци эпох Тан и Сун" (42).

Об авторе - Лю Фу 劉斧 мы располагаем крайне скудными сведениями. Достоверно известно лишь его имя, точнее, известно имя, которым подписан сборник. Мы знаем, что человек с таким именем обладал ученой степенью сюцая, т.е. сдал экзамены на первом этапе конкурсного отбора на вакантную должность, и это позволяет предположить, что Лю Фу происходил из чиновничьей семьи и готовил себя к службе.

О времени жизни Лю Фу можно судить по встречающимся в сборнике датам. Самые ранние упоминания относятся к годам правления императора Жэнь-цзуна, т.е. с 1022 по 1063 г., а самые поздние - ко времени правления Чжэ-цзуна, т.е. с 1086 по 1101 г. Наиболее поздняя дата - 1077 г. (о датировке сборника см.: 36, 46, 47); в другом, дошедшем в отрывках, сочинении Лю Фу - "Известные рассказы о Ханьфу" 翰府名談, подавляющее число дат также приходится на период с 1045 по 1075 г. Кроме того, в тексте "Высоких суждений..." такие сунские сановники как Ван Ань-ши (1021-1086) и Сыма Гуан (1019-1086) названы посмертными

цзюйянского хоу были покрыты лентой непрерывного резного узора, окрашенного в зеленый цвет (53, т.12, с.4025).

²⁰ Сборник Лю Фу описан И.Э.Циперович (36). Частью сборник был переведен на русский язык: Б.Л.Рифтин перевел "Чэнь Шу-вэнь" и "Записки о Сяо-лянь" (25, с.89-95; А.Рогачев - "Красный лист" и "Порхающую ласточку" (20, с.41-54). Более всех занималась сборником Лю Фу К.И.Голыгина, использовавшая оттуда 18 различных произведений, в том числе ряд крупных новелл чуаньци - "Записки о горе Лишань", "История Тань И-гэ", "Записки о девушке из Юэ" и др. в подготовленном ею сборнике переводов "Рассказы у светильника" (24). В предисловии к сборнику оговорено произвольное сокращение поэтических отрывков ("стихотворная избыточность текстов"). Это несущественно, важно другое: подчас К.И.Голыгина относит к новеллам чуаньци произведения, таковыми явно не являющиеся, и этот факт лишний раз подтверждает малоизученность жанров традиционной китайской сюжетной прозы.

именами (47, с.122-123). Разумно будет предположить, что Лю Фу жил в период между 1020 и 1100 г. или несколько позже, и сборник "Высокие суждения у дворцовых ворот" появился после 1086 г.²¹.

Еще известно - из предисловия некоего Сунь Фу-шу к "Высоким суждениям..."²², что Лю Фу бывал в Ханчжоу и в столице тогдашнего Китая г.Кайфэн. Можно даже предположить, что Лю Фу провел в Кайфэне продолжительное время - это наиболее частое место действия рассказов его сборника. Кроме того, сам Лю Фу сообщает, что некий его родственник (по-видимому, старший) служил в свое время по тюремной части в области Тунчжоу (совр.провинция Сычуань), и Лю Фу бывал там вместе с ним²³.

²¹ Еще раз подчеркивает тот факт, что сборник Лю Фу появился никак не раньше 1070 г., наличие в "Высоких суждениях..." произведения с родовыми иероглифами 詩話 в названии - "Рассуждения о стихах известных господ" (47, с.46-50). Известно, что термин "шихуа" вошел в обращение после появления в 1071 г. первого произведения с этими иероглифами в названии - "Шихуа отшельника Лю-и" 六一詩話 Оуяна Сю (1007-1072). Поскольку у Лю Фу уже есть заимствования из шихуа Оуяна Сю, логично предположить, что "Высокие суждения..." появились еще позднее (подробнее о шихуа Оуяна Сю см.:8)

²² Предисловие подписано: "Дасюэши палаты Цзычжэндянь Сунь Фу-шу" 資政殿大學士孫副樞. Больше об авторе ничего не известно. Почетная должность дасюэши палаты Цзычжэндянь была учреждена в 1005 г. специально для Ван Цинь-жо (962-1025) и давалась, как правило, ушедшим на покой чиновникам, дабы отметить их заслуги. Очевидно, Сунь Фу-шу занимал пост в свите императора и был достаточно высокопоставленным чиновником. Вероятно также, что упоминающийся в "Высоких суждениях..." Сунь Цы-вэн 孫次翁 - второе имя Сунь Фу-шу. Совершенно непонятно, на чем основывается К.И.Голыгина, когда утверждает, что автором предисловия к "Высоким суждениям..." был Юэ Ши (24, с.12). Если в виду имеется сунский новеллист Юэ Ши, то он умер в 1007 году (о чем сама К.И.Голыгина пишет в своем "Предисловии" несколько ранее) и никак не мог написать предисловие к сборнику, законченному много лет спустя его смерти. Недоразумение, вероятно, основывается на том, что в тексте "Высоких суждений..." сразу после предисловия и выдержки из династийной истории есть пометка некоего Сян Юэ-ши 項藥師, датированная годом дин-хай. Что это был за человек, определить не удалось. По всей вероятности, именно он много позднее вставил в текст выдержку из "Истории династии Сун", но автором предисловия он, конечно, не был.

²³ Перевод К.И.Голыгиной "В годы Цзя-ю я исполнял должность писца в области Тунчжоу" (24, с.12) неточен, поскольку в китайском тексте сказано: 嘉祐年余侍親通州獄吏 (47, с.120), что, скорее, следует переводить как "В годы Цзя-ю (1056-1063) мой родственник был назначен в Тунчжоу тюремным смотрителем,

Первые краткие упоминания о сборнике "Высокие суждения у дворцовых ворот" мы находим в разделе "Сведения о литературе и искусстве" сунской династийной истории, где сказано, что Лю Фу является автором "Высоких суждений..." в двадцати цзюанях, а также "Собрания утерянного" 摭遺 в двадцати цзюанях и "Известных рассказов о Ханьфу" в двадцати пяти цзюанях /Сведения, 1957, с.125/. Два последних произведения до нас не дошли, сохранились лишь их скудные фрагменты, вошедшие в другие сборники и антологии²⁴.

В сунской библиографии "Заметки о чтении книг в канцелярии /начальника/ округа" 郡齋讀書志 Чао Гун-у (XII в.) сказано: "Высокие суждения у дворцовых ворот", восемнадцать цзюаней, имя составителя не указано, /книга/ содержит записи о разных событиях /времен/ нынешней династии, заметки и истории, написанные известными мужами, однако в книге сей выражения и мысли весьма вульгарны" (56, с.597). То же самое о стиле изложения сказано и в династийной истории.

В юаньское время (1279-1368) сборник "Высокие суждения у дворцовых ворот" вообще исчезает из поля зрения официальных библиографий и числится в лучшем случае в списках книг

и я отправился вместе с ним". В виду имеется, очевидно, отец Лю Фу, ибо в рассказе "Чэн Шуй" говорится: "Чэн Шуй и мой отец когда-то служили вместе", а выше сказано, что Чэн Шуй служил тюремным смотрителем в Чэньчжоу (47, с.163).

²⁴ К примеру, два фрагмента из "Известных рассказов о Ханьфу" вошли в анонимный сунский сборник "Новые рассказы у зеленого окна" 綠窗新話. По замечанию китайского ученого Чжоу И, которому принадлежат текстологические комментарии в современном издании данного текста, это - "Ван Сюань на горе Чжугу встречается с Си Цзы" и "Цянь-тао испытывает добродетель господина Коу" (55, с.27; 114-115). Аноним заимствовал несколько рассказов и из "Высоких суждений...", причем безо всяких изменений. Еще пять отрывков из "Известных рассказов..." - речь в них идет о стихах - дошли до нас в составе шихуа и изданы в составе "Избранных рассуждений о стихах в Китае различных эпох" (38, т.1, с.194-195). В предисловии к изданию "Высоких суждений..." 1958 года упоминается о пятнадцати отрывках из "Известных рассказов..." в 52-ой цзюани "Прозы по разделам" 類說 Цзэн Цзао (XII в.). Там же присутствует и 48 рассказов и новелл из "Высоких суждений...", и, что любопытно, ряд фрагментов, отсутствующих в издании 1958 г. Они были добавлены известным текстологом Чэн И-чжуном в издание 1983 года в качестве приложения (47, с.255-271).

недостающих. В середине правления династии Мин (1368-1644) книга вновь появляется, но - разрозненно, в виде трех отдельных частей. В такой форме сборник просуществовал до воцарения династии Цин (1644-1911), когда, наконец, вновь был сведен воедино, что сделал известный цинский текстолог и библиофил Хуан Пи-ле (1763-1825), оставивший свои послесловия 跋 в книге и подписавшийся одним из своих псевдонимов - Фу-вэн 復翁. Из записей Хуан Пи-ле, следующих после каждой из трех частей (они сохранены в современном издании), следует, что сборник "Высокие суждения..." долгое время распространялся в списках, причем один такой список был сделан по заказу самого Хуан Пи-ле (см.: 47, с.103, 198, 253).

Первая и вторая части были скопированы с экземпляра, принадлежавшего некоему Шэнь Вэнь-бяню 沈文辨, который также оставил свою запись. Было это в 1522 году. Хуан Пи-ле отредактировал полученный текст, закончив работу в десятых числах первого лунного месяца 1813 года. А летом 1814 года Хуан Пи-ле получил в подарок от друга еще один список второй части сборника. Неизвестный друг Хуана Пи-ле (его имя не названо) датировал даримый список - по качеству бумаги и туши - доминским временем. Хуану Пи-ле был знаком еще один доминский список, отличающийся от находящихся в его распоряжении и принадлежавший Чжан Жэнь-аню (XII в.). Третья же часть до Хуан Пи-ле принадлежала Ван Ши-чжэню, оставившему в ней свой автограф - запись, подписанную псевдонимом "Горный отшельник из Юйяна" 魚陽山人. Хуан Пи-ле утверждает, что список Вана относится к годам Чжэн-да (1506-1521). Сам же Ван Ши-чжэнь, кстати, отозвался о сборнике Лю Фу так: "Это - ростки "Новых рассказов у горящего светильника"²⁵ и выразил удивление, почему "Высокие суждения..." имеют такое

²⁵ Речь идет о сборнике новелл чуаньци минского автора Цюй Ю (XIV в.), чье творчество исследовала К.И.Голыгина (14), ей же принадлежит перевод текста сборника на русский язык (24, с.170- 294)

широкое распространение, несмотря на "вульгарность" содержания (47, с.253)²⁶.

Таким образом, к 1500 году в Китае были известны три части сборника "Высокие суждения у дворцовых ворот", причем в том виде, в каком мы их знаем сегодня. В сунское же время был известен и распространен вариант сборника из двух частей - по десять или около того цзюаней каждая, так как династийная история сообщает, что в нем - двадцать цзюаней, по Чао Гун-у - восемнадцать. Ныне мы имеем текст в двадцать семь цзюаней, основанный на цинских изданиях. Вполне вероятно, что известные в сунское время две части сборника были гораздо объемнее, нежели современные первая и вторая часть. Но текст их позднее был утерян или сильно испорчен, реконструирован и в процессе этого получил несколько инсе, отличное от первоначального, внутреннее деление на части и цзюани. Потом были обнаружены и объединены в третью часть - более короткую и производящую впечатление незавершенной - дополнительные фрагменты сунского текста. В пользу этого предложения говорит и тот факт, что отдельные фрагменты, оставшиеся за рамками известного нам текста "Высоких суждений..." продолжают обнаруживаться до самого последнего времени, чем и объясняется появление еще одной цзюани новейших реконструкций в издании 1983 года.

4

Рассмотрим кратко состав сборника. Как уже было сказано, "Высокие суждения..." состоят из трех частей: первые две включают в себя по десять цзюаней, третья - семь. Это 143 произведения в различных жанрах. На первую часть приходится сорок девять из них, на вторую - семьдесят два, на третью - двадцать три. Следует также учесть тридцать шесть отрывков, составивших приложение к основному корпусу (подсчеты по изданию 1983 года). В сборнике

²⁶ Ср. у Хуан Пи-ле: "старые книги рассказов трудно достать, а сборник "Высокие суждения у дворцовых ворот" - широко распространен" (47, с.253).

совмещены новеллы чуаньци, преобладающая по объему сюжетная проза сяошо дотанского образца - как об удивительном (чжигуай), так и событиях (иши), - бессюжетная проза (заметки и рассуждения), отдельные стихотворные произведения, рассуждения о стихах (шихуа).

Все включенные в сборник произведения имеют заголовки из разного числа иероглифов (как правило, из трех); а также подзаголовки из семи знаков, раскрывающие содержание²⁷.

Лю Фу был не только или не столько автором сборника, сколько его собирателем: целый ряд произведений, вошедших в основной корпус, принадлежит другим китайским авторам. Это некоторые рассказы и, главным образом, новеллы чуаньци, авторство которых нам известно из помет, следующих за заголовками. Всего таких произведений четырнадцать²⁸. Составители "Избранных новелл чуаньци сунских авторов" считают, что и некоторые другие новеллы также не принадлежат Лю Фу, правда, авторы их неизвестны - речь идет о "Записках о морях и горах суйского Янь-ди" и "Записках о красной змейке" (47, с.146-157 и 188-190; 48, с.46,120). Данное утверждение не подкреплено доказательствами, но оно в высшей степени показательно. То, что в тексте сборника "Высокие суждения... указаны далеко не все факты заимствования, очевидно. Изучение некоторых более ранних сборников бицзи - и не только бицзи - показывает, что Лю Фу не

²⁷ Еще Лу Синь обратил внимание на то, что Лю Фу был первым, кто ввел семисложные подзаголовки, и сделал предположение, что от них-то и пошли семисложные названия городских повестей хуабэнь (43, с.12)

²⁸ Это: "Популярная мелодия "Печаль небожителя" (47, с.27- 29) Доу Хун-юя, "Записки о красном листе" (с.51-53) Чжан Ши, "Записки о теплых ключах" (с.63-66) Цинь Чуня, "Записки о госпоже Сунь" (с.70-73) Цю Жуя, "Неофициальная биография Чжао Фэй-янь" (с.74-78) Цинь Чуня, "История учителя Си-и" (с.79-80) Пан Цзюэ, "Записки о Ван Ю-юй" (с.95-98) Лю Ши-иня, "Записки о расписной статуе Ван Янь-чжана" (с.99-100) Оуян Сю, "Сан Вэй-хань" (с.163-165) Цянь Си-бо, "Вэнь Вань" (с.166- 172) Цин Суй-цзы, "Послесловие к дошедшим сведениям о Гань- тан" (с.175-180) Цай Цзы-чуня, "История Тань И-гэ" (с.212- 217) Цинь Чуня, "Записки о Юэ-нян" (с.218-223), "Записки о Юн- чэне" (с.243-245) Ду Мо. О многих из вышеназванных авторов мы ничего не знаем, и это - единственные их произведения, дошедшие до наших дней.

однажды пользовался сочинениями других авторов без указания источника. Так, Лю Фу находил "свое" в сочинениях великого сунского литератора Оуян Сю и заимствовал то, что ему нравилось, по своему разумению сокращая чужой текст²⁹.

Немаловажным является и то обстоятельство, что около четверти всех произведений в "Высоких суждениях..." имеют резюме. Возможно, такими резюме (начинающимися со слов "Мое суждение таково" 議曰 или, реже 評曰) Лю Фу дополнял чужие произведения, и тогда, наличие подобного резюме служит показателем несобственного авторства Лю Фу.

Содержание сборника Лю Фу разнообразно. Выше было отмечено, что Лю Фу включил в свою книгу самые разные произведения: сюжетные и бессюжетные, прозаические и поэтические, рассказы об обыденном и сверхъестественном. Подобное смешение является своеобразным принципом организации текста: разные произведения объединялись вокруг той или иной темы, занимающей автора. Таких тем было несколько, в

²⁹ Ср.фрагмент из сборника бицзи Оуян Сю "Записи вернувшегося /в родные/ поля" и текст Лю Фу. У Оуян Сю сказано: "Когда император Тай-цзу (на троне с 960 по 976 г. - И.А.) впервые осчастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей будды, возжег ароматные курения и спросил, должен ли кланяться. Сэнлу Цзань-нин (919-1001, руководил ведомством по делам буддийских монахов - Сэнлусы - И.А.) доложил: "Не надо кланяться". Император спросил, почему. "Будда настоящего не кланяется будде прошедшего!" - был ответ. Цзань-нин был монах в высшей степени знающий, обладал даром красноречия, и его слова, пусть несколько наигранные, точно совпали с мыслями Владыки, потому он слегка улыбнулся и согласно кивнул. С тех пор это стало правилом. До наших дней владыки, осчастливившая посещением Сянгосы, возжигают курения, но не кланяются. А сведущие люди называют это этикетом" (54, с.80-81). У Лю Фу: "Когда император Тай-цзу впервые осчастливил посещением храм Сянгосы, он остановился перед статуей будды, возжег курения и спросил, должен ли кланяться". Буддийский монах Цзань-нин отвечал: "Не должен кланяться". Император спросил, почему. "Будда настоящего не кланяется будде прошедшего!" - был ответ. Ответ точно совпал с мыслями Владыки, поэтому Владыка слегка улыбнулся и согласно кивнул. Поэтому это и стало правилом. До наших дней владыки, осчастливившая посещением Сянгосы, возжигают курения, но не кланяются. А сведущие люди зовут это этикетом" (47, с.119). Нельзя отрицать возможности, что данный пассаж восходит к общему неизвестному нам пока источнику, но вернее будет предполагать непосредственное заимствование, как и в случае с "Шихуа отшельника Лю-и" Оуян Сю (ср., например, 47а, с.269 и 47, с.87).

каждом сборнике бицзи мы без особого труда найдем их круг, соответствующий области интересов и взглядам книжника-собираателя. То же и в сборнике Лю Фу - сюжеты и мотивы здесь воспроизводятся в рамках интересующих его тем. Регулярная повторяемость сюжетов и мотивов, связанных с этими темами, не может не обратить на себя внимание исследователя, однако она не является ценной сама по себе - это типическая черта китайской письменной культуры, своего рода "литературный этикет", если мы возьмем известный термин Д.С.Лихачева более расширительно. Сюжеты и мотивы - с некоторыми вариациями - воспроизводятся до тех пор, пока не произойдет определенное смысловое насыщение понятия, ситуации. Поскольку сюжеты и мотивы известны, а круг их ограничен, важной становится не повторяемость их, а выбор, акцентуализация определенных моментов. Автор в своем творчестве отталкивается от уже известного, комментируя и уточняя его. Вряд ли поэтому можно рассматривать повторяемость сюжетов внутри одного сборника и в различных сборниках в качестве "основного конструирующего закона бицзи" (29, с.6), это, скорее, основной конструирующий закон сборника как типа средневековой книги. Конечно, сборники бицзи среди прочих выделяются - и именно большей степенью так называемой "авторской свободы", ибо они не ограничены ни жанрово, ни тематически. Подчеркну, что круг затрагиваемых в них тем может быть известен и по другим, предшествующим сборникам, для средневековой письменной традиции круг этот вообще достаточно узок, но то, на что обращается преимущественное внимание в данном, конкретном сборнике, будет характеризовать именно данного автора.

В сборнике "Высокие суждения у дворцовых ворот" можно выделить несколько главных тем, вокруг которых группируются сюжеты и мотивы, повторяющиеся в разных частях сборника. Эти темы часто связаны с главными действующими лицами.

1. *Благородный муж, конфуцианец-книжник.* В сборнике Лю Фу речь идет о двух видах таких героев и связанных с ними обстоятельствах: благородные мужи древности - для Лю Фу это время правления династии Тан и позже, и благородные мужи

современного Лю Фу сунского общества. Конфуцианец-книжник выступает в качестве главного действующего лица в подавляющем числе входящих в "Высокие суждения..." произведений, это, как правило, образец добродетели и поведения, его поступки Лю Фу приводит в качестве примера, на котором следует учиться. Благородные мужи древности - в первую очередь Хань Юй (768-824) и Лю Цзун-юань (773-819). Особое внимание Лю Фу привлекло известное происшествие с крокодилами, которых Хань Юй изгонял в Чаочжоу (совр.пров. Гуандун), Лю Фу, как истинный китайский книжник уточняет известные ему факты, касающиеся этого события и даже того, как крокодилы выглядели³⁰. Лю Фу считает Хань Юя образцовым чиновником, благодаря своим добродетелям управляющим мудро не только народом, но и тварями, и духами вверенной его попечению местности³¹. В качестве других образцов, достойных почитания, в сборнике Лю Фу - знаменитый лянский военачальник Ван Янь-чжан (863-923), текст для мемориальной стеллы которого, написанный Оуян Сю, Лю Фу привел в "Записках о расписной статуе Ван Янь-чжана" (47, с.99-100) и некоторые другие исторические лица.

Все же большинство благородных мужей в "Высоких суждениях" - принадлежит к сунской эпохе, это вполне конкретные чиновники, поэты, книжники, известные нам благодаря богатому наследию, дошедшему до наших дней, а также благодаря официальным биографиям из сунской династийной истории. Стихи их без труда можно найти в любой старой или современной

³⁰ В результате в "Высоких суждениях..." появилось описание крокодилов, у которых растут рога и которые из носа выбрасывают фонтаны воды, а из яиц, откладываемых этими крокодилами, вылупляются (притом регулярно) не только собственно маленькие крокодильчики, но и - черепахи (47, с.187)

³¹ Лю Фу находит аналог и среди сунских чиновников - это Чжан Юй (Гуай-яй, 946-1015), который, подобно Хань Юю, изгнал из пределов области, которой управлял, злобного и опасного тигра, причинявшего народу многие беды. Мораль Лю Фу: "Вот как свирепый тигр подчинился справедливому управлению! Но в древности прогоняли прочь не только тигров - и поэтому когда узнаешь о том, как Вэнь-гун (посмертное имя Хань Юя - И.А.) изгнал крокодила из реки Эси (Злобный Затон), то становится ясно, что все это - совсем не пустые слова! Да и в какую династию при просветленном правлении этого не было?!" (47, с.8)

китайской антологии. Это такие масштабные фигуры как Ли Фан (925-996), Чжан Юн (946- 1015), Коу Чжунь (961-1023), Оуян Сю, Мэй Яо-чэнь (1002-1060) и другие. Речь о них идет в произведениях, относящихся к чжижэнь сяошо, каждое из которых представляет собой определенный эпизод из их жизни, случай, когда проявляется какое-то из положительных качеств замечательной личности. Например, Ван Ань-ши (1021-1086) помогает деньгами женщине, вынужденной продавать себя в рабство (47, с.122); Хань Вэй (1017-1098) проявляет терпимость по отношению к чиновнику, разбившему случайно его любимые чаши для вина, не наказывает солдата, подпалившего по невнимательности ему бороду (47, с.125) и т.д. Лю Фу постоянно возвращается к образам благородных мужей и к их высоким добродетелям - верности государю, долгу, сыновней почтительности, гуманности, мудрости и т.д. В этом смысле сборник Лю Фу можно рассматривать как образец для назидательного чтения. Информация, сообщаемая в рассказах такого плана, особо ценна тем, что выражает мнение современника (современников? ведь нет полной уверенности в том, что все это написано Лю Фу).

В четвертой цзюани первой части сборника помещены также три новеллы чуаньци, посвященные благородным мужам, на государственной службе не состоящим и потому проявляющим свои добродетели иным образом - это безрассудные смельчаки, верные долгу и данному слову больше всего на свете: Ван Цзи, который учиняет самосуд над местным начальником-самодуром и его подчиненными; Сунь Ли, простой живодер (убойщик скота), помогающий другу справиться с обидчиком матери; неизвестный поборник справедливости, вступающийся за несправедливо обиженного (47, с.40-45)³².

³² Такие герои достаточно типичны уже для танских новелл чуаньци. Странствующие инкогнито мстители - как правило, все те же ученые-книжники, попавшие в особые обстоятельства, так что у них нет другого пути, кроме как мстить за свои обиды, а потом и за обиды прочих людей. Жестокость мстителей

2. *Благородная женщина.* Образы женщин в "Высоких суждениях..." достаточно традиционны. Это образы жен, верных супружескому долгу и не останавливающихся ради соблюдения его даже перед смертью - такова героиня рассказа "Чжэн Лу", покончившая с собой, чтобы спасти мужа; такова госпожа Сунь, отвечающая решительным отказом на домогательства молодого соседа, хотя сама питает к нему самые глубокие чувства (47, с.39, 70-73). Героини других рассказов - девушки из благородных домов, оказавшиеся в сложных, трагических обстоятельствах, но не забывшие долг, не опустившиеся, не потерявшие себя - Сунь Цзяо-нян (476 с.33-34), Ван Цюн-ну - о последней Лю Фу собрал, по-видимому, все доступные ему материалы, начиная от изложения ее трагической судьбы третьим лицом, ею самой и заканчивая стихами Ван Ань-го (1030-1076), где поэт воспекает девушку (47, с.35-37). Особое место в сборнике занимают образы певичек. Певичка, в противоположность девушке из порядочного дома, была доступнее в общении и продавала за деньги свое искусство музицирования, пения, слагания стихов, изящного прислуживания на пиру и, в конечном счете, искусство любви. Говорить о том, что все китайские певички того времени были высокоталантливы и образованы, конечно не приходится, но, судя по сборнику Лю Фу, ценили в них как раз таланты: китайский книжник искал общения с прекрасной незаурядной женщиной, и, несмотря на свое зависимое положение, популярные, прославленные талантами и красотой певички были в достаточной степени вольны в своем выборе, они могли и отказать даже в простой беседе нежелательному гостю, не говоря уже о чем-то большем, даже если он и платил бы баснословные деньги. Именно такие певички - добродетельные, изящные, образованные и выступают главными героинями в новеллах (фактически - жизнеописаниях) "Тань И-гэ" и "Вэнь Вань" (47, с.212-217, 166-173).

3. *Необыкновенные чувства (любовь).* К этой теме следует отнести в первую очередь подборку произведений, посвященных

вполне сопоставима с жестокостью их обидчиков, и поэтому описания свежееотрубленных частей тела и кровавых пиров в рассказах о них - не редкость.

широко известной истории любви танского императора Сюань-цзуна (на троне - 712-755 г.) и его наложницы Ян гуйфэй и связанному с этой царственной любовью мятежу Ань Лу-шаня: "Записки о горе Лишань", "Записки о теплых источниках", "История о чулках Гуйфэй", "Песнь о Мавэе" (47, с.57-68). Необыкновенные чувства испытывают и упоминавшиеся выше благородные женщины - Тань И-гэ, Вэнь Вань, госпожа Сунь, образец верности и преданности. Несколько отдельно стоят произведения, в которых описываются любовные взаимоотношения человека и существа необычайного - души умершей девушки или лисы-оборотня ("Весенняя прогулка по Западному пруду" (47, с.203-211); "Записки о Сяо-лянь" (с.128- 130); "Записки о Юэ-нян" (с.218-223) и др.)³³.

4. *Даосские (буддийские) наставники.* В этих произведениях речь идет и об их деяниях, и о качествах, необходимых для самоусовершенствования, достижения нравственной гармонии и святости. Рассказы о буддийских наставниках представляют из себя изложение ряда постулатов китайского простонародного буддизма, главным образом, в диалогах и поучениях, когда жаждущий знания или желающий устыдиться в незнании задает учителю Закона вопросы (часто каверзные), а учитель в ответах раскрывает суть того или иного аспекта учения. Лю Фу называет ряд буддийских наставников, достигших совершенства - учитель Чэн-мин, учитель Да-янь, учитель Цзы-цзай (47, с.240-243) и др. В приводимых диалогах наставники часто исправляют неправильные толкования высказываний Будды, осуждают некоторые обряды, распространившиеся в практике буддийских монахов из-за их невежества. В свою очередь даосские святые и подвижники в "Высоких суждениях..." - это либо святые, к сунскому времени уже канонизированные, такие как Люй Дун-бинь, Хань Сян-цзы и Хэ

³³ Тему лисы-оборотня нужно выделить особо, так как это глубоко своеобразный персонаж старокитайской прозы и китайских верований. Проблема места лисы-оборотня в традиционной китайской культуре заслуживает отдельного большого исследования. В сборнике же Лю Фу лисам уделено не так много внимания, что позволяет в данном случае ограничиться кратким примечанием. Общее представление о лисе-оборотне в сюжетной китайской прозе можно составить из работ: (1, с.295-309. 3; 7; 28; 35)

Сянь-гу, либо современные Лю Фу сунские сановники, благодаря исключительным качествам своим и прижизненным заслугам достигшие святости после окончания земной жизни и поставленные на различные посты в загробной иерархической лестнице управления.

Конечно, названные темы не были изобретением Лю Фу. Книжность старого Китая постоянно обращалась к ним. Не исчерпывают они и всего содержания сборника. Вновь подчеркну, что для нас в данном случае важна именно акцентуализация, принцип отбора, дающий представление об особенностях мировоззрения автора и современной ему эпохи.

5

Кажется, нет никакой необходимости доказывать, что представления о сверхъестественном занимают одно из главнейших мест в "картине мира" любого средневекового общества и являются неотъемлемой частью традиционного мировосприятия. Внимательный читатель, знакомый с творчеством Пу Сун-лина (1622-1715) по неоднократно переиздававшимся классическим переводам акад.В.М.Алексеева (из последних изданий см.: 22), уже заметил, что старая китайская проза просто пронизана необычайным. Интерес к сверхъестественному устойчив; пассажи, посвященные необыкновенным явлениям встречаются в самых что ни на есть обыкновенных повествованиях.

Как известно, Конфуций не говорил об удивительном (41, с.192), удивительное не свойственно великому Дао и рассуждениям о нем, поэтому сверхъестественное и волшебное стало принадлежностью вульгарных речей и сплетен - прозы сяошю. Для чжигуай сяошо необычайное и удивительное есть жанровая характеристика, не лишены удивительного и чжижэнь сяошо; буквальный же смысл названия новеллы - "чуаньци": "передаю удивительное". Именно здесь, в сюжетной прозе сяошо различных жанров, мы и находим богатейший материал для изучения

традиционных китайских представлений о волшебном мире, хорошим примером чего является сборник Лю Фу.

Представления о сверхъестественном в сборнике Лю Фу группируются преимущественно вокруг понятия "гуй", на котором следует остановиться подробнее:

5. *Душа умершего гуй.* Души умерших, их свойства, проявления в мире живых и способы взаимоотношений с живыми - все это издавна привлекало внимание авторов сяошо. Материал сяошо дает нам три типа явления души умершего в мире живых: в материальной форме (и тогда мы называем душу умершего оборотнем), во сне и в виде бестелесного фантома, соотносимого с привидением в европейской традиции³⁴. Сборник Лю Фу не дает, конечно, всей полноты информации о душах умерших, однако, содержит ряд немаловажных их характеристик. Одним из основных мотивов, широко представленных в сборнике, является возвращение души умершего, обеспокоенной состоянием своего захоронения. По китайским представлениям, душа находит успокоение, попадает благополучно в загробный мир и вновь рождается в новом облики только в том случае, когда тело, ей принадлежавшее, похоронено по всем правилам. Особенно важны место захоронения и наличие могилы. Поэтому в сяошо часты примеры, когда гуй приходит к человеку с просьбой позаботиться о его останках, причем, приходит не ко всякому, а только к тому, кто обладает совершенными моральными качествами, а значит, может понять важность дела, которое привело к нему душу умершего, и

³⁴ Ср. у В.Вундта: "...Ближайший и наиболее часто принимаемый привидением образ есть образ только что умершего, который видят ночной порой витающим либо над своей собственностью, либо над своей могилой..."; привидения бывают: "...духи несчастливцев, которые отягчены грехами и неутоленными желаниями, и потому не могут найти себе покоя в гробу, пока не достигнут заветной цели...", "дух может не находить себе покоя в могиле потому, что он озабочен судьбами своего рода (12, с.32-33). Те же мотивы руководят зачастую и китайским гуйем-привидением. Попытку разобрать основные мотивы, связанные с понятием "гуй", на материале антологии "Тай-пин гуан цзи" я предпринял в работе "Представления о душе умершего (гуй) по китайским письменным источникам до XII века - в кн.: Человек. Культура, философия. Вып.2. Острые грани духовности, Екатеринбург. 1992 г. (в печати).

отнестись к просьбе со всей ответственностью. У Лю Фу так поступает герой рассказа "Записки о погребенных костях" (47, с.11-12) Пэн Цзе, к которому является душа несправедливо погубленной девушки с просьбой перезахоронить ее останки. Любопытны также рассказы о сунском сановнике Фу Би (1004-1083), совершившем массовые захоронения умерших от стихийного бедствия и голода (с.12-13). Нельзя забывать и о жертвоприношениях - единственном "средстве существования" души недавно умершего (с.13-14) и т.д.

В том случае, если человек, к которому гуй приходит с просьбой позаботиться о захоронении, не оправдывает надежды умершего, или даже проявляет вероломство, обманывает, душа умершего мстит за обиду, как в рассказе "История Цзян Дао" из третьей части сборника Лю Фу, главный герой которого присваивает деньги души умершего полководца, данные ему для расходов по перезахоронению (с.231-233).

Другой мотив сборника - мотив воздаяния за дурные поступки. Прежде всего обращают на себя внимание три однотипных рассказа, в которых главный герой с корыстной целью обманывает девушку, а когда надобность в девушке пропадает - убивает ее или способствует ее смерти. Мораль Лю Фу: "Если нельзя безнаказанно присвоить состояние человека, так что говорить о том, чтобы тайно нанести вред его жизни?!", "Нельзя наносить обиду - ведь вот каково загробное возмездие! Прочитавшие должны остерегаться вести себя так! (47, с.140-145). Наряду с морализаторскими рассказами в "Высоких суждениях..." помещено несколько коротких заметок чисто буддийского характера, повествующих о воздаянии за принесении вреда живым существам, как умышленно, так и по профессиональной необходимости. Суровое возмездие настигает Юй Юаня, кормившего внутренностями зайцев своих охотничьих соколов и коновала Чэнь Гуя, хотя первый поступал так по собственной воле, а второй - по нужде, зарабатывая себе деньги на жизнь (47, с.145). Возмездие разнообразно: за причинение вреда обезьянам человек сам становится обезьяной (с.135). Однако, чаще всего преступника

настигает смерть, и в агонии он сам испытывает все те муки, что он причинял живым существам³⁵.

Еще один распространенный в "Высоких суждениях..." мотив - женитьба на волшебной деве, он реализуется с волшебными женами двух видов: душами умерших и лисами-оборотнями, о чем уже говорилось выше. Ярким примером взаимоотношений человека с душой умершей девушки может служить новелла чуаньци "Записки о Юэ-нян" (47, с.218-233). Главный герой новеллы Ян Шунь-юй пытается вступить в связь с прекрасной девушкой, в доме которой волею судеб он оказался ночью. Сначала девушка решительно противится, а потом, когда это все-таки происходит, старается всячески прервать любовные отношения. Телесное общение с душой умершего несет вред человеку вне зависимости от желания умершего, поскольку гуй - носитель темного начала - вольно или невольно забирает человеческую жизненную энергию, не имея возможности прекратить этот процесс. Жизни человека тем самым наносится непоправимый вред, что и для души умершего не проходит бесследно - в загробном управлении ее ждет суровое наказание.

В сборнике "Высокие суждения у дворцовых ворот" перед читателем предстает разнообразный и сложный волшебный мир, имеющий строгую иерархическую организацию. Мы находим здесь частичное описание обеих сфер иного мира - подземной (адской) и сферы небожителей. Картина ада дана в рассказе "Чэн Шуй" (47, с.136-138). Названы три адские отделения: ад, где поджаривают; ад, где варят; ад, где пилят. В подземном мире царит строгий порядок: бегают чиновники, отдаются приказы, работает канцелярия, смоделированная по образцу чиновничьего аппарата в мире людей. Вновь поступающая душа подвергается допросу, ее дело тщательно

³⁵ Впрочем, загробное возмездие не столь слепо, как может показаться. Из рассказа "Записки о Совершенном Человеке Цзы-фу" (47, с.14-15) мы узнаем, как Сунь Мян, будучи призван к ответу за смерть, застреленной им черепахи, не получил должного наказания из-то того, что совершил это преступление, находясь при исполнении служебных обязанностей - охране плотины, которую подрывала черепаха.

разбирают. Определяется мера вины и степень строгости наказания, после чего душа может получить перерождение. Какое-то число душ некоторое время находится вне состояния перерождения (эти души называются "неприкаянными") то ли по причине неправильного захоронения, то ли по решению загробного владыки. Возможны в загробном разбирательстве и откровенные ошибки, которые, как правило, все же исправляются.

Об иерархии святых можно получить представление из новеллы "Списки святых с горы Цюньюйфэн" (47, с.19-21), где приводится целый табель о рангах. Святые продвигаются вверх по иерархической лестнице, совершенствуя свое дао посредством временных погружений в мир людей, где в грешных соблазнах суетной жизни как в горниле закаляется нравственная чистота святого. Лю Фу пишет, что вельможи мира людей в большинстве своем - временные воплощения святых, и когда они умирают в мире людей, то и в горнем мире занимают соответствующее положение.

6

Таким образом, по своему содержанию и жанровому составу сборник Лю Фу представляет безусловный интерес для исследователя китайских бицзи. Обладая типическими чертами бицзи, он в то же время стоит особняком: только в этом сборнике - среди дошедших до наших дней сунских книг - мы находим большое количество крупных сюжетных произведений, а именно, новелл чуаньци. Получившаяся в результате авторского отбора "жанровая смесь" открывает возможности для изучения различных аспектов сунской культуры под разным углом зрения: в чжижэнь сяошо и бессюжетных заметках можно найти фактические подробности, касающиеся жизни крупных сунских сановников и книжников; сюжетные произведения в свою очередь позволяют судить об особенностях их мировоззрения и шире - о менталитете времени. "Высокие суждения..." - авторский сборник, но в изрядной части компилятивный, поэтому мы можем говорить о том, что в

нем отразились взгляды и пристрастия не одного Лю Фу (что выразилось в подборе материала), но - опосредованно - взгляды образованных слоев сунского общества на мир и место, принадлежащее в нем человеку.

Настоящая статья дает самую общую характеристику сборника Лю Фу, она призвана привлечь внимание как к "Высоким суждениям...", так и, что гораздо важнее, к бицзи, как к явлению письменной культуры старого Китая, таящему в себе огромные потенциальные возможности и для литературоведов, и для историков, и для этнографов³⁶.

³⁶ В свое время я подготовил полный перевод книги Лю Фу для издания в серии "Памятники письменности Востока". К сожалению, это издание не состоялось вовремя. Надобность в нем не отпала, но разного рода трудности, в том числе и экономического порядка, не позволят, по всей очевидности, в ближайшее время выпустить перевод в свет. Поэтому здесь я ограничиваюсь сокращенным вариантом исследовательской статьи к сборнику и некоторыми избранными переводами, учитывая появившиеся за это время переводы К.И.Голыгиной. Пользуясь случаем, хочу выразить искреннюю благодарность моим Учителям - О.Л.Фишман, увлекшей меня идеей изучения китайских бицзи и указавшей на этот сборник, Л.Н.Меньшикову, В.В.Петрову, а также всем тем, кто взял на себя труд прочесть рукопись и своими замечаниями способствовал ее улучшению.

Лю . Фу

"Высокие суждения у дворцовых ворот"

Предисловие

Испокон веков в мире существует обычное и необычайное. Обычное - это люди, а необычайное - души умерших, гуй. Так предопределено силами инь и ян, это неперенный закон всего сущего. Когда во времена древнего императора Яо разлились воды, все и вся претерпело бедствие, и лишь ничтожной части людей посчастливилось спастись и не стать добычей рыбам. Люди, души умерших, удивительные существа - всё перепуталось среди отмелей и островов. Тогда-то совершенномудрые изготовили треножники с изображениями нечисти, дабы люди береглись ее, а удивительных тварей совершенномудрые изгнали за пределы четырех морей, чтобы люди их не видели. Но некоторые из этих существ затаились в горах и в низинах. Разлетевшаяся пневма-ци превратилась в души умерших. Что тут необычайного? Совершенномудрые могли распознать души умерших и духов, а люди обыкновенные при виде их приходили в ужас. Поэтому совершенномудрые и не говорили о волшебном, беспокоясь, чтобы потомки не впади в омрачение.

Сючай Лю Фу, будучи в Ханчжоу проездом из столицы, нанес мне визит. Суждения он высказывал ясные, достойные похвалы. Еще показал он несколько сотен удивительных историй, мне понравился его слог, и Лю попросил меня написать предисловие. Но эти произведения вполне достойны предисловия и более именитого человека, к чему поручать это мне и тем отдалять блестящую славу!

Разделяя помыслы Лю Фу, я с воодушевлением написал сто с лишним иероглифов, изложив, что хотел. Ведь даже на узенькой тропке есть вещи, достойные внимания, и только совершенномудрые не говорили об удивительном!

*Писал предисловие
дасюэши палаты Цзычжэндянь Сунь Фу-шу*

Записки о погребенных костях

(Господин Вэй хоронит брошенные кости)

В четвертый год под девизом правления Син-нин начальник отделения Пи отправился за назначением на службу. Он приехал в северную столицу и остановился в Управлении Экипажей. Внезапно господин занедужил и слег. Слуга стал готовить ему лекарственный отвар из трав, как вдруг из печки вырвались языки пламени, и треножник с лекарством опрокинулся. Увидев это, господин сильно испугался. Тут появилась какая-то девушка - по виду служанка - она, стелая и плача, пала ниц на каменные ступени террасы.

- Я из рода вашей жены, господин! - сказала она.

Пи выхватил меч и закричал:

- Ты еще что за нечисть?! Как смеешь являться в человеческом облике?!

Тогда девушка-служанка призналась:

- Я не из рода вашей жены, я хотела обмануть вас, думала, что так будет проще... Меня зовут Се Хун-лянь, когда-то я была наложницей, но мне не посчастливилось: хозяйка дома убила меня, а кости мои укрыла здесь, и я не могу получить перерождения! Вы, господин, оказались здесь проездом, и я решила непременно явиться к вам! Пожалуйста, подумайте, куда можно перевезти мои кости для захоронения!

Служанка замолчала, но Пи ничего ей не отвечал. Тогда она сделала так, что Пи мгновенно выздоровел и стал себя превосходно чувствовать.

На следующий день Пи явился к Вэй-гуну и рассказал ему об этом происшествии.

- Да, из-за того, что труп лежит где-то непохороненный, часто случаются удивительные вещи! - сказал господин и приказал чиновникам найти кости. Прошло несколько дней, но поиски результатов не дали.

Однажды вечером слуга Вэй-гуна увидал во сне женщину, которая сказала:

- Мои кости между кухней и умывальной!

Слуга тут же сообщил хозяину, и останки девушки действительно нашлись, не было только головы. Вэй-гун посетовал, что девушка умерла не своей смертью - потому-то и была столь поспешно зарыта. Вэй-гун обернул кости ватой и покрыл одеждой из расшитого шелка. Но хоронить было еще нельзя - отсутствовала голова.

Тут как раз к Вэй-гуну засвидетельствовать свое почтение явился совершавший инспекционную поездку военный чиновник из Эньчжоу, и Вэй-гун велел ему заночевать в управлении и ждать там знака. После полуночи, когда ярко светила луна, военный чиновник увидел безголовую женщину, которая танцевала во дворе. Наутро чиновник доложил об этом Вэй-гуну. Тот приказал искать, и во дворе был откопан череп. Вэй-гун выбрал благоприятный день, чтобы, как полагается, похоронить кости на равнине.

Однажды вечером чиновник из числа подчиненных Вэй-гуна по фамилии Ли (забыл его имя) во сне увидел женщину, прекрасную обликом и одетую в роскошные одежды. Женщина почтительно обратилась к Ли:

- Я - та, чьи останки Вэй-гун удостоил своей милостью и переместил в прекрасное место. Теперь я, наконец, обрела покойную обитель и могу получить перерождение! Но как умершая может отблагодарить господина по справедливости?! Я прошу вас высказать Вэй-гуну мою глубокую признательность!

- А почему ты сама не пойдешь поблагодарить его за это, а меня посылаешь? - спросил ее Ли. - Тебе не кажется, что это непочтительно?

- Как смею я быть непочтительной! - отвечала женщина. - Но ведь Вэй-гун - выдающийся человек нашего времени, он очень знатен и занимает высокий пост! Его жилище окружают стражники и солдаты, поэтому-то я и не осмеливаюсь предстать перед ним. Но - к счастью! - я могу просить вас оказать мне эту милость!

Ли на следующий день обо всем этом донес Вэй-гуну.

Небесный Государь Юй-юань

(Перерождение Небесного Государя с горы Лофушань)

Покойный первый министр господин Лю был родом из Цзичжоу. Господин направлялся в столицу на экзамены и по пути проезжал через городок Думучжэнь. Стояла ясная погода. Слева у дороги сидел какой-то старец.

- Я знаю, что вы, господин, направляетесь на экзамены. Что вы скажете, если я подарю вам пару параллельных строк? - обратился старец к Лю.

- Хотелось бы услышать! - радостно отвечал тот.

- Ныне, оседлав убогого осла, вы уезжаете, а завтра, воссев на богатого скакуна, возвратитесь!

Господину понравились эти строки.

- А откуда вам, почтенный, известно, что я добьюсь исполнения желаний?

- Вы будете обладать не только громкой славой и богатством, но еще сделаетесь очень знатны, вы ведь, господин, не кто иной, как Небесный Государь Юй-юань с горы Лофушань!

Господин Лю поблагодарил старца, и тот ушел.

Небесный Государь с горы Ванъушань

(Сюй Цзи встречает Небесного Государя, который изгоняет тигра)

Сюй Цзи и Сунь Жун - чиновники из города Хэяна, что в Мэнчжоу - путешествовали по судебным делам и по пути проезжали мимо западной вершины горы Ванъушань. Вдруг видят - покойный министр господин Пан. В даосской одежде идет он в сопровождении трех-четырех отроков. Цзи сказал Жуну:

- Да ведь это министр! Когда-то он управлял Хэяном, я тогда был мелким служащим в его управлении и часто с ним встречался!

- и Цзи потихоньку спросил сопровождавшего министра отрока:

- Ведь это министр Пан?

- Да, это он, - отвечал отрок.

- А что делает тут господин Пан?

- Он получил титул Небесного Государя горы Ванъушань и управляет этой местностью.

Тогда Цзи велел отроку доложить господину Пану его имя и фамилию и подошел с поклоном. Господин приветствовал Цзи легким кивком и заговорил с ним.

Вдруг появились два воина в латах, они тащили тигра. Цзи в ужасе отбежал в сторону. А воины бросили тигра перед Паном, и тигр замер, зажмурившись, словно преступник, убоявшийся справедливого гнева.

- Вчера этот тигр изранил дровосека такого-то, - доложил воин.

- Дровосек умер? - спросил Пан.

- Нет, жив.

Тогда господин Пан обернулся к отроку, тот достал из кошелья кисть и приготовился писать.

- Препроводить к духу местности для определения наказания, - продиктовал Пан, и воины уволокли тигра.

Цзи снова подошел и стал прощаться. Они с Жуном прошли шагов, может, сто, оглянулись на то место, где только что был Пан, но там лишь клубилась бирюзовая дымка да играла радуга, а господин - пропал.

Записки о Цы-юне

(Оказавшись во сне в огромном кувшине, обретает прозрение)

Фамилия старейшины Цы-юнь (Облако Милосердия) была Юань, а изначальное имя Дао, и происходил он из города Ичжоу. Семья Юаня была крайне бедна, и мать, чтобы добыть пропитание, плела циновки. Когда Юань Дао был еще мал, то сохранял соленый рис да мясо, что удавалось заработать, когда выпадал свободный день, шел в соседскую школу, где платил за учение этими своими запасами.

Так продолжалось долго, и учитель в награду за усердие Дао стал учить его всему, что знал сам. Изо дня в день упорно учился Дао и вскоре приобрел большие познания. Закончив учение, он направился на экзамены, одержал великую победу в провинции и получил возможность поехать в столицу, чтобы попробовать свои силы на экзаменах в столичном департаменте. Но там Дао неожиданно тяжело захворал и долго, совсем потеряв интерес к жизни, пролежал больной в гостинице. Средства его совсем уже иссякли, а когда Дао стало лучше, то списки выдержавших экзамены уже были обнародованы! Дао очень расстроился.

Близилось лето, и приятели насильно заставили Дао отправиться на прогулку по Западному пруду. Зеркально чисты озерные просторы, на тысячу чи длиной взмыл мост Ханьбицяо (Ледяной Лазури) радуге подобный, у воды лепились друг к другу просторные залы, сновали расписные лодки, собрались здесь ученые люди, и лились со всех сторон звуки флейт и неся грохот барабанов! Кругом было бесчисленное множество гуляющих!

Дао заплутал в толпе, потерял из виду приятелей и, оставшись один, принялся их искать. Спустя долгое время, он вдруг увидел стоящего на берегу буддийского монаха, который, будто старый знакомый, вытянул шею и неотрывно уставился на Дао. Дао приветствовал его поклоном.

- Вы выглядите таким слабым и изможденным, - обратился к нему монах. - Много ходили и ослабели!

- Давно уже я живу в столице. Болезнь на долгое время привязала меня к постели! - объяснил Дао.

- Мой ничтожный дом тут неподалеку. Позвольте ли, достоуважаемый, пригласить вас?

Дао и монах отправились вместе. Не отошли и ста шагов, как в северной стороне Дао увидел домик. Вошел в ворота, глядь - земляные ступени, бамбуковые колонны. Монах пригласил садиться.

- Я пока прилягу. А потом и вы отдохнете, - сказал он и направился к лежанке.

Дао по характеру был человек спокойный и очень любил чистоту. Смотрит - в доме всего три комнаты, и все три - совершенно пустые. Такое впечатление, что в доме не было даже и запаха дыма очага. Лишь только в средней комнате стоял кувшин, накрытый поломанной бамбуковой крышкой.

"Наверное, в этом кувшине хранится зерно!" - подумал Дао и попробовал было поднять крышку, а из-под крышки вдруг - сияние, точно ясная луна взошла среди ночи! Дао нагнулся, заглянул и видит - будто стоит он на краю высокой башни, а внизу снуют лошади и люди, совсем как в человеческом мире! Тут кто-то окликнул Дао по имени и фамилии, Дао отозвался и тут же очутился в кувшине. Он начисто забыл обо всем, что было до этого.

Первый министр, некто Ли Вэнь-го поселил Дао у себя как гостя. Ли был пленен талантами Дао и женил его на своей дочери. В том же году во время осенних экзаменов Вэнь-го представил имя Дао в экзаменационное управление. Дао блестяще выдержал экзамен, был призван ко двору и стал первым в Поднебесной. Сперва он был назначен на должность тунли в Южную столицу, но вскоре был отозван и пожалован титулом "кайфу и тун сань сы". А в то время Сын Неба как раз пошел карательным походом против северных варваров, и Дао подал доклад на высочайшее имя:

"По происхождению я - книжник, но мне посчастливилось вознестись в сферу совершенномудрых, я был удостоен жалования и давно уже пользуюсь привилегиями чиновника. У меня нет ни состояния, ни талантов, и я не могу достойно отблагодарить за милости. Поэтому, хотя рядом с Вашим Величеством есть великое множество полководцев, я осмелюсь высказать свое неразумное суждение, дабы послужить Вашему совершенномудрому правлению. Живущее неподалеку отродье будет бесчинствовать в пределах страны, и если укрепить рубежи, то должного порядка тем не наведешь, а родится лишь злоба и недовольство. Если же направить полководца с сотней тысяч воинов вглубь вражеской территории, то поставки зерна и фуража истощат казну, опустошат амбары. Будут, конечно, захвачены древние земли Дуньхуана и присоединены к великому государству. Но я, ваш подданный, читал книги древних и

глубоко познал совершенную истину: одержать военную победу над варварами все равно что ясной жемчужиной выстрелить в воробья. Хоть воробей и будет убит, но жемчужина-то бесследно пропадет! Захватив их земли, мы не сможем вспахать тамошние каменистые поля. Древние говорили, что война с варварами не является наилучшей политикой. Суждение вашего подданного нельзя назвать совершенным, но я наилучшей политикой полагаю умиротворение варваров преданностью Вашему Величеству. Похуже этого будет послать полководца оборонять границы; покорить варваров военной силой - это я почитаю средней политикой; связывание им рук браком - считаю политикой плохой, ну а уж о том, чтобы обмениваться с ними шелком да яшмой я вообще не веду речи! ... Хоть ваш подданный слишком глуп, говорит слишком смело, но в его обязанности входит подавать советы, поэтому он и осмелился сделать этот доклад".

Государю понравился доклад, он призвал Дао ко двору и сделал его министром. Смелые и прямые речи Дао расположили к нему и двор, и народ, пороки и зло пошли на убыль, в центре и на окраинах на Дао взирали с надеждой. Так неожиданно Дао был назначен на пост, что называется, к кормилу власти, и стал помогать установлению общей гармонии, за что в Поднебесной его прозвали "мудрый министр".

Но когда Сын Неба решил взять в жены дочь Ма Дэ, а императрице дал отставку, Дао стал осуждать Сына Неба:

- Если повелитель безо всякой причины прогоняет императрицу, то что будут говорить про повелителя в Поднебесной?

Придворные схватили императрицу Ма, ее избили плетьюми и сбросили вниз со ступеней дворца. Император пришел в страшный гнев и в тот же день велел сослать Дао в Цюнчжоу на должность сима. Приехав в Цюнчжоу, Дао со слезами сказал жене:

- Из человека в простом платье я дослужился до министра, и этого ведь было вполне достаточно! Но вот ныне я изгнан! Так съезжу, взгляну на родные места, отдохну от службы и проведу на покое остаток жизни!

- У меня есть один план, и если вы, господин, послушаетесь меня, то можно будет все вернуть назад! - отвечала жена.

- Что же это за план, который может все вернуть?

- Императорский евнух Дуань Чжун как раз сейчас находится в особом фаворе у государя. Вы, господин, поднесите ему тысячу золотом, и он непременно отблагодарит вас! - объяснила жена.

Дао приказал мальчику-слуге взять золото и драгоценности и поднести это все Дуаню. Дуань замолвил за Дао слово перед государем, и Дао получил возможность вернуться в столицу и поселился как простой человек в частном доме.

А тут как раз в цензorate стали рассуждать о том, как Дао предан государю, и Дао снова назначили министром.

Император с большими силами собрался в поход против Ляо. Дао снова подал осуждающий доклад трону, речи его были очень прямые.

- Ведь недавно еще вы были на юге, где кругом поднимаются от болот ядовитые испарения, там мы частенько садились рядом и плакали, мечтая только лишь увидеть родину да перевезти кости свои на родные поля, но тогда и этого не смогли бы сделать! А ныне - вы снова служите двору. Зачем же вы снова рискуете вызвать совершенномудрый гнев?! Опять хотите, что называется, трогать чешую дракона и нажать себе тем самым новую беду?! - говорила Дао жена.

- Я уже для себя все решил. К чему же так много слов? - отвечал Дао...

Император разгневался, сместил Дао с поста министра, и тот снова лишился службы.

Императорский дядюшка Вэйский ван был в то время в дружеских отношениях с Дуань Чжуном и частенько бывал у Дао. Когда Ван Мэн совершил измену, Дао подал доклад, что называется, в золотую башню. Он писал:

"Хоть я и смещен с поста министра и ношу в душе обиду на императорский двор, но снова дам совет о бунте Вана".

Император впал в неистовый гнев и повелел отрубить Дао голову. Прощаясь с женой, Дао сказал:

- Обращаясь мыслями к прошлому, я вспоминаю, как когда-то удил рыбу в водах Цзиньшуя, шутил и смеялся на берегу реки! Но ничего вернуть нельзя!

И вот явился сначала палач с мечом в руке, а за ним погребальная колесница. Любопытные стояли стеною. Дух Дао воспрянул высоко, он сел на подушку и ни разу не оглянулся назад. И когда острие меча коснулось шеи Дао, он вдруг увидел, что стоят рядом с кувшином!

Оглянулся, а монах только-только протирает глаза и встает. Дао внезапно будто прозрел и, просветленный, посмотрел по сторонам.

- Так мудрец очищает свое сердце, желая обуздать страсти и обеспечить возвращение назад к своей истинной сущности! - сказал монах Дао. Дао стал кланяться ему и отвечал:

- Я понял: богатство и знатность, бедность и нищета - это все от судьбы, и этим наделяет нас Небо. А вот жизненная сила души вложена в бренное тело, и я буду, внимая Небесам, воспитывать свой дух!

- Верно! - отвечал монах и повел Дао к воротам. Дао вышел, сделал несколько шагов, оглянулся - а монах и дом его пропали!

На следующий день Дао покинул столицу и поехал на запад. Добравшись до Ичжоу, Дао обрил голову, облачился в черные одежды и поселился в храме Дацысы - Великой Милости. Добродетели Дао были высоки, он так истово занимался очищением, что община почитала его первым среди всех. Вскоре люди пригласили Дао, как говорится, подняться в зал, и Дао стал излагать учение о чудесных вратах дхармы, истолковывать совершенномудрые мысли. Слушать его собиралось великое множество народу. Носил же Дао всего лишь один халат без подкладки, еды съедал одну чашку. Он проповедовал семьдесят лет, и его последователи, как говорится, клубились тучами.

Когда первый министр Чжап Юн управлял Ичжоу, он, прознав о добродетели учителя, пришел к нему с визитом. Учитель восседал на высокой лежанке для созерцания, покойно сложив руки.

Увидев, что Дао не торопится его приветствовать, господин изменился в лице от гнева и спросил:

- А смыслите ли вы, учитель, что-нибудь в учении чань?

- Конечно, - был ответ. Учитель поднял трость, ударил ею по старому ласточкиному гнезду и сказал:

- Ударишь по нему, и завтра ничего не будет, но следуя учению, пройдешь через путы и узы!

Господин Чжан очень долго обдумывал сказанное, потом ушел, поняв, что учитель - человек необыкновенный.

В другой раз господин Чжан нанес визит Дао вместе с даосом с Цзиньшуй по имени Ян Сюй. Сюй тоже решил испытать остроту ума Дао. Перевалило за полдень и мимо зала прошел человек, несущий на плече связку хвороста.

- А как вы собираетесь использовать эти облезлые колючки?- спросил Сюй.

- Починю стену храма, чтобы уберечься от разбойников и злодеев! - был ответ. Господин Чжан громко рассмеялся и с тех пор считал для себя полезным поддерживать с учителем дружеские отношения. Как-то в другой день, когда учитель поднялся в зал, Чжан с областными чиновниками пришел его послушать. Когда же все прочие разошлись, господин с Дао сели, соприкасаясь коленями, и господин Чжан спросил:

- Как можно добраться до Западного неба?

- Переправляясь через поток, непременно надо пользоваться веслом, а, переходя через реку, надо обязательно перейти по мосту.

- А если нет моста, то как перейти?

- Если переправляешься через реку и нет моста, то тогда придется окунуться в воду.

- Но если нет моста, то можно ведь переправиться на лодке!

- Хоть в лодке и можно переплыть поток, но шагать по мосту куда безопаснее!

- Но ведь и мосты, бывает, ломаются.

- Ремонт лодки - дело частое, а мост ломается очень редко!

После этого господин Чжан и учитель сделались близкими приятелями.

Тунпань Нью Чжу спросил учителя:

- А есть ли рай и ад?

- Неужели возможно, чтоб не было, а верили, и было, а не верили?! - отвечал учитель. Чжан почитал эти слова за наисовершеннейшее высказывание. Как-то господин Чжан заболел, через месяц ему стало лучше, и он пригласил учителя за город, и там, чтобы доставить ему радость, сложил стихотворение и принес Дао в подарок:

"Вместе смотрим на ручьи и горы -

они прекрасны бесконечно.

Навстречу друг другу с приветливой улыбкой

по облакам ступаем.

Мы с вами знаем радости путь,

где праздность прибавляет силы

И радуемся, что в новом году

у нас нет еще седины в висках!

Не ищем пользы мы

в обманчивых пейзажах перед глазами,

А сами взращиваем истинные ростки

на почве душ своих.

Нам непременно надо знать

о дхармах и потомков процветаньи,

Чтоб на пиру прощальном вдруг раскрылся бы цветок..."

Однажды монах Хуэй-мин из храма Кайюаньсы сказал учителю:

- Хочу построить еще один зал Будды перед палатой Синьчжунгэ - Нового Колокола, и если вы, учитель, замолвите слово, то построить будет легко, и очень скоро зал будет готов.

- Я чужд мирского, почему же ты просишь меня об этом?!

- Так ведь сооружение палат Будды - это верный путь блага и добрых дел, почему же вы, учитель, говорите такое?

- А кто тебя просил об этом? Ты просто захотел! Конечно, ведь Будде нет нужды обращаться к тебе, так ты решил сам! Дворцы, где ныне пребывает Будда - высокие облачные палаты. Залы, сложенные из десяти тысяч стволов, вьющиеся с четырех

сторон галереи, беспрерывно сменяющие друг друга башни и беседки, чешуей сверкающие десятки тысяч черепиц, - даже жилища князей и знати в мире людей не могут сравниться с этим! А тебе вполне достаточно места, занимаемого одной циновкой! Ныне в городах среди полыни и трав у некоторых людей нет даже такого клочка земли, чтобы, как говорится, воткнуть шило, потому многие рады и тростниковой хижине. А ты, видно, хочешь, чтобы все богатства Поднебесной были преподнесены тебе!

- Но ведь это простая благотворительность.

- А как ты получаешь эту благотворительность?! Ты изображаешь небесный высокий рай, чтобы вселить в людей надежду; ты выдумываешь подземный ад, чтобы запугать людей. Говоришь, что если они пожертвуют, то обретут счастье, а если не будут следовать долгу, то совершат преступление! Ведь ты вымогаешь эту благотворительность! Если случится так, как ты говоришь, тогда ладно, а если нет - за какое преступление ты наказываешь?

- Что же тогда Будда называл "радостным пожертвованием?"

- Я - буддийский монах, не пашу, не тку, и мне нечем заработать себе на хлеб. Но когда я из мрака вывожу к истинному пути тех, кто способен пожертвовать, они - в радости-дают мне одежду и овощи, и это как раз то, что называется "радостным пожертвованием". Это благотворительность, не требующая благодарности, не молящая о ниспослании счастья, это естественная благодарность!

- Тогда по вашим, учитель, словам получается, что мой Путь должен состоять в том, чтобы смотреть как рушатся дворцы Будды и не мешать?!

- Ты говоришь о внешнем, я же - о внутреннем! Когда-то Совершенномудрый проповедовал потомкам своим: обрить волосы на голове, носить грубую одежду, есть ровно столько, чтобы утолить голод, спать, чтоб утолить усталость, хранить в чистоте свою душу и так войти в пустоту и безмолвие нирваны! Ты же своими безмерными требованиями разоряешь народ. Сегодня тебе подавай для жилья великолепные хоромы, а для еды и питья - кушанья с

изысканными ароматами, ты заворачиваешь тело свое в прекрасные сверкающие шелка и парчу, ты желаешь себе богатства, не зная удержу! Неужели же таковы подлинны намеренья Будды?! Ты канешь навечно во мраке ада и непременно сделаешься гнусным чертом! - и учитель стал ругать монаха. Хуэй-мин стал кланяться, а учитель вдобавок ударил его посохом, а потом спросил:

- Ну, понял ты?!

- О, сейчас я будто бы очнулся от опьянения! - отвечал Хуэй-мин, поклонился и ушел.

Среди монахов в Кайюаньсы был один, который, что называется, держал в огне палец. Он пришел к учителю, и тот сказал ему:

- Зачем же ты сам подвергаешь страданиям тело, данное тебе родителями?

- Выражение веры в Будду путем испытания пальца огнем делается вовсе не в расчете на высшую благодарность. Вы же, учитель, почему-то решительно отвергаете это, хотя об оном сказано в учении! - ответил монах.

- Когда Будда основал учение, он говорил об усечении тела: у человека исходно есть шесть злых чувств, и если возможно отрезать кусок от тела, так почему же нельзя избавиться таким же путем и от этих чувств? Это прекрасное иносказание! Издревле нам известен Будда Горящего Светильника, но то ведь - светильник горящего сердца! Светясь само собою, сердце может осветить то, что темно. Наш Будда очень мудр, очень милосерден, он обладает великим разумом! А ты - когда ты жжешь палец на огне, лицо твое становится серым, как у покойника, страдания твои неисчислимы, и Будда, видя тебя, испытывает грусть. Как же тебе достичь радости?! О, как ты глуп!

- Я раскаиваюсь! - сказал тогда монах и больше не жег своего пальца на огне.

Узнав обо всем этом, господин Чжан сказал об учителе:

- Да это живой Будда!

Совершая после полудня омовение, учитель вдруг ударил в барабан и созвал людей.

- Я вскоре покину этот мир, попрощайтесь со мной! - и снова стал рассказывать им про врата нирваны. Еще он сложил прощальное стихотворение господину Чжану:

Из ничего пришел и уйду в ничто.
Путем одним и тем же в вечность я иду.
Коль вы народ возлюбите, то он полюбит вас,
Тем самым к благоденствию вы вступите на путь.
А если вы сумеете последовать за мной,
То, может, нам удастся встретиться не раз.

Тут учитель бросил кисть наземь, поджал ноги, поднял плечи и чинно уселся. После этого в молчании почил.

Господин Чжан прочитал его стихи, в печали выслушал сообщение о смерти учителя, лично осмотрел его тело и стал класть земные поклоны, не будучи в состоянии сдержать свою грусть. Потом господин на собственные деньги выстроил пагоду. И по сей день останки учителя пребывают там.

Мое мнение таково: Нынешние бонзы лишь силою соперничают друг с другом, наперегонки спешат к знатым и богатым воротам и боятся лишь одного - опоздать с поздравлениями в дни зимних и летних жертвоприношений, в праздники новолуния и полнолуния! А коли на дороге встретят нищего или голодного, то даже не оглянутся! Но вот взять жизнь учителя - разве не был он совершенномудрым человеком, не испытывавшим стыда в сердце своем?

Жэнь Юань

(Человек в черном платке спасает Жэнь Юаня от побоев)

Второе имя Жэнь Юаня было Цзинь-шу, а сам он был родом из столицы. В юные годы, когда родственник Юаня занимал чиновничий пост в землях между реками Янцзы и Хуайхэ, Жэнь поехал вместе с ним. Жэнь немного учился искусству каллиграфии, и вообще был в высшей степени образованный и великодушный человек. Домашние рассчитывали, что он будет продолжать дело предков, но Жэнь, как говорится, закрыл двери своего дома - и все

тут. А к достижению славы и выгоды не проявлял никакого интереса.

В праздник фонарей, в первую луну второго года под девизом правления Си-нин Юань днем прогуливался по улицам. В это время улицы были переполнены паланкинами и всадниками, ученые мужи и прекрасные девы собирались вместе. Юань, будучи навеселе, нетвердо стоял на ногах и свалился, головою боднув при этом супругу какого-то важного господина.

Господин пришел в ярость и стал бить Юаня - все сильнее и сильнее, а Юань только защищал рукавом платья лицо и не произносил ни слова. Господин долго бил Юаня, и их окружили со всех сторон зеваки - множество зевак - как вдруг стоявший здесь же человек в черном платке не выдержал, внезапно ударил господина и повалил его наземь, после чего взял Юаня за руку и увел прочь. И никто не понял, почему он так поступил.

- Раньше мы с вами, господин, не были знакомы, - обратился Юань к спасителю. - И вот, я удостоился того, что вы вступились за меня!

Но незнакомец, даже не оглянувшись, ушел.

В другой день Юань снова встретил на дороге того человека в черном платке, пригласил его выпить вина, и они вместе отправились на постоялый двор. Сели за стол, тут Юань внимательно рассмотрел незнакомца - пугающие глаза, величественный дух, решительный и твердый, даже страшно! Они долго пили, и Юань с благодарностью сказал:

- Позавчера меня унизил глупец, и если бы не вы, храбрый человек долга, то кто пожелал бы помочь мне?

- Разве такой ничтожный повод стоит благодарности? - возразил незнакомец. - Послезавтра снова мы с вами здесь встретимся! - и после этого каждый пошел своей дорогой.

Пришел назначенный срок, и Юань направился на постоялый двор, а человек в черном платке уже там! Вместе пошли они в винную лавку. Они подняли чаши уже раз десять, как незнакомец сказал:

- Я тайный мститель. У меня была глубокая обида, и я скрывал ее несколько лет, а сегодня понемногу начал действовать, - тут он вынул из-за пояса черный кожаный мешок, а из мешка достал человеческую голову. Ножом обрезал с нее мясо, и половину протянул Юаню. Юань очень перепугался и не знал, что делать. А человек в черном платке принялся за свою часть и съел все без остатка. Потом снова предложил Юаню, но тот отказался. Тогда человек в черном платке рассмеялся, протянул руку, взял мясо из тарелки Юаня и съел его тоже. Потом взял череп и стал с легкостью строгать его коротким ножиком - словно трухлявое дерево! Бросил череп на землю.

- Я могу обучить вас одному искусству, но сможете ли вы изучить его? - сказал он.

- А что за искусство? - поинтересовался Юань.

- Я могу, - отвечал человек, - побрызгать снадобьем на железо и превратить его в золото, а, побрызгав на медь, - превратить в серебро!

- Здесь, за воротами кабачка, имение моих предков, в день мой доход - связка монет. В семье несколько человек - но в стужу все одеты в ватную одежду, в жару все одеты в полотно, а в весенние дни уже едят мясные блюда из свежей убоины! Да и сам я занимаю незаслуженное положение и все время боюсь навлечь на себя беду - так как же я посмею учиться такому! - отвечал Юань. - Надеюсь, вы, учитель, поймете меня!

- О, если вы понимаете веления Неба, то должны прожить очень долго! - в восхищении сказал человек в черном платке. С этими словами он достал пилюлю и сказал: - Примите это, никакая нечисть вам не будет страшна!

Юань запил пилюлю вином. Была уже поздняя ночь, и они расстались. Впоследствии Юань с тем человеком больше не встречался.

Рассуждения о стихах знаменитых господ

(Рассуждения о стихах знаменитых господ нынешней династии)

Министр Чжан Ши-сунь в годы правления под девизом Цин-ли подал Владыке прошение о даровании прощения и вскоре вернулся к верховной власти, а также получил разрешение поселиться в своем прежнем доме в столице.

Как-то однажды он поехал на прогулку за пределы столицы и взял с собой лишь двух слуг - один вел коня, а другой нес над Чжаном зонт. Когда же он возвращался в столицу, начальник городских ворот, увидев его зонт, вышел навстречу и осведомился о здоровье. Министр взял у него календарь и написал на нем такое четверостишие:

"Поехал горами полюбоваться я,
и назад возвращался.

В мягкой шапке, в легком шелку,
к императорской столице.

Начальник у врат вдруг приветствовал выезд мой.

Снова здесь я, у фениксова пруда!"

Начальник показал эти строки императору. Жэнь-цзуну понравился заключенный в них смысл, и он с особой щедростью одарил министра - сотней лянов серебра и сотней штук тонкого шелка, и чиновник, передававший подарки, сказал Чжану:

- Это вам на расходы во время прогулок по горам!

Двор и окраины славили министра.

Министру Люй И-цзяню ученый-конфуцианец Чжан Цю в один прекрасный день поднес стихи:

"Нынче в кухне нашей не из чего стряпать.

Дети плачут и рыдают, но пуст короб для еды!

И шепнула мать потихоньку сыну:

Сочинил отец стихи, поднесет их господину Люю".

Прочитав стихи, господин очень развеселился и подарил Чжану сто связок монет в награду, а еще приказал отвести его в

гостиницу для знатных чиновников и поселить там в полном достатке. Тридцать лет находился господин у кормила власти, он обогревал и защищал бедных и слабых, помогал ученым мужам, назначая их начальниками округов за пределами столицы или же в управления министров при дворе. Это был мудрый первый министр, при котором царило великое спокойствие! О, сколь прекрасно!

Когда покойный господин Фань Вэнь-чжэн управлял Юэ, умер один миньцао по имени Сунь Цю-чжун. Семья его была в большой нужде: осталось два малолетних сына и жена. Старшему сыну только-только исполнилось три года. Господин Фань пожертвовал семье Суня сто связок монет, другие чиновники области последовали его примеру, и так количество жертвований увеличилось в несколько раз. А господин купил лодку, выбрал одного старого чиновника и назначил заведовать ею, наказав:

- Когда будешь проезжать заставы, показывай мое стихотворение:

"Скользит по потоку громадному легкий паруса листок.

Он появляется в теплые дни, а с холодами уплывает.

Коль на заставе знать хотят фамилию владельца,

Скажу, что это лодка одинокой вдовы и сирот!"

Вот свидетельство того, как господин поддерживал сирот и бедных.

Когда покойный господин Хань Вэй-гун управлял Чжэньдином, у него был домашний учитель Пэн Чжи-фан, большой любитель вина. Этот Пэн постоянно лазал через стену в женские покои. Привратник доложил господину, но тот не стал учинять разбирательства. Так продолжалось долго. Однажды, сажая бамбук, господин сочинил стихотворение:

"Я старательно поливаю корни,

окучиваю деревце.

Не оставлю я строптивых веток,

из-за стены развратно торчащих!"

Учитель увидел эти стихи и пришел в большой восторг. Он прибавил к стихам еще строки:

"Как высоко хозяин добродетель чистую ценит!

Не оставляет строптивых веток,

так подарил бы мне тополек!"

Тогда господин специально отрядил в столицу чиновника с сотней связок монет, там была куплена рабыня и подарена учителю. И ко всем прочим ученым людям и гостям своим господин относился также!

Во времена танского Си-цзуна очень прославился своей эрудицией Юй Хуа-мао. Не имея средств, некоторое время он жил в доме у министра Ци Цая. Уезжая, Юй сложил стихотворение "Ласточка покидает гнездо":

"На старой крутой стене гнездо, осыпалась уже глина.

Ныне ласточке пора возвращаться

к родному милому дому.

Даже в громадных чертогах небесных

негде ей приютиться.

В двери чьего-то дома теперь она залетит?!"

Хозяин прочел, исполнился сострадания и оставил ученого и впредь жить у себя.

Отшельник Вэй из Шаочжоу был муж возвышенных устремлений. Министр Чжан Ши-сунь призвал его в столицу, но вскоре Вэй стал проситься домой, и министр на прощание сложил для него стихотворение:

"Одинокое вольное облако

прилетело в столицу Владыки.

А теперь возвращается,

осеннего ветра ждать не желая."

Все восхищались этими строками.

Записки о наставнике Люе

(Ученый-отшельник шлифует зеркало и пишет стихи)

Начальник отделения Цзя Ши-жун в годы под девизом правления Чжи-пин был назначен на должность тунпаня в Шаочжоу. Когда-то к нему попало древнее металлическое зеркало, размером очень большое, вещь необычайная. Очень дорожил им Цзя и давно уже хотел отшлифовать, да все не мог найти шлифовальщика.

- А поблизости здесь живет один ученый-отшельник по фамилии Хуэй, так он сам говорил, что искусен в шлифовке! - доложила свита. Цзя приказал привести его. Отшельник явился и уселся вольно, вид у него был весьма напыщенный. Цзя удивился такому поведению, но потом смирился с тем, что это человек особый, и вынул зеркало, чтобы показать ему.

- И такое зеркало можно отшлифовать! - сказал Хуэй. Тогда Цзя приказал приближенному принести серебряный кувшин с молодым вином - в дар отшельнику. Ученый, усевшись на ступеньках, осушил кувшин одним глотком. Затем достал из бамбукового короба, который был у него при себе, пилюлю и положил ее на зеркало.

- У меня мало снадобья, надо сходить домой и принести еще! - сказал он и ушел. Долго не возвращался. Цзя послал людей выяснить, где тот живет. Оказалось - в храме Тайпинсы - Великого Спокойствия. На воротах было стихотворение:

"В руке держали вы зеленую змею,
Она на небо вознеслась средь бела дня!
В пещере - персики бессмертия,
прекрасна вечная весна!

Вам надо знать: из-за предела дымки радужной я гость,
А вовсе не шлифую в этом бренном мире зеркала! "

Цзя, увидав стихи, ахнул в изумлении. А пилюля, лежавшая на зеркале, исчезла и только от того места, где она лежала, исходило сияние - словно осенний ледок растаял на холодном нефрите! Все прочее было как прежде. Цзя хранил это зеркало бережно, как

драгоценность, и очень сожалел, что ему не удалось еще раз увидеть отшельника. Фамилия у учителя была Хуэй - это для того, чтобы скрыть свои следы, чтоб люди не узнали. В иероглифе же "хуэй" - два "рта", а два "рта" значит "люй".

Продолжение

(Святой старец Люй пишет "Весну в Циньских садах")

Цзуй Чжун, человек обширнейших познаний, стал цзиньши. Весною он отправился вниз по Бяньшюу на восток. Вскоре достиг Хубэя. Путешествуя по Юэяну, он решил нанести визит старинному своему приятелю, начальнику отделения Ли (в то время Ли управлял этим округом).

Только приехав и еще не успев явиться к Ли, Чжун остановился на ночь на постоялом дворе и услышал, как приехавший до него путник напевает в зале "Весну в Циньских садах". В зале был еще человек в заплатанных туфлях - он очень долго слушал, а потом обернулся к Чжуну и спросил:

- Что это за ария? Звуки ее столь чисты и прекрасны!

- Это новая столичная ария! - отвечал Чжун.

- Я грамоте не знаю, не могли бы вы за меня записать одно стихотворение, я его сочинил на эту мелодию!

Чжун изумился - ведь глаза и брови незнакомца были изящны и прекрасны! - достал бумагу и кисть, и приготовился писать. А человек, совсем немного подумав, тут же напел мелодию, одновременно подбирая слова, будто давно уже были готовы. Вдумавшись в их смысл, Чжун нашел его глубоким и совершенным. И в восхищении пригласил незнакомца выпить с ним вина.

- Что-то я устал сегодня, не хочу пить! - был ответ. Тогда Чжун попрощался и сказал:

- Мы с вами живем по соседству, завтра увидимся! - потом схватил человека за руку и добавил:

- А не скажете ли мне свою фамилию? Про имя-то я не осмеливаюсь и спрашивать!

Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"

- Я родился в устье реки, вырос у горного прохода, сам я - гость из охраняемого ущелья, а имени и фамилии не знаю! - отвечал тот и добавил:

- Пойду спать. А как солнце встанет, тогда и поговорим! - ушел и закрыл дверь.

Ближе к вечеру Чжун попал на прием к начальнику округа Ли и рассказал ему про этот случай, показав стихи.

- Это удалившийся от людей человек высоких душевных качеств! - сказал начальник и приказал посыльному позвать того. Солдат пошел, постучал в дверь и объявил волю начальника округа.

- Вы подождите, а я сейчас. Вот оденусь и выйду! - слышался ответ. Долго никто не появлялся, и солдат снова постучал в дверь. Изнутри снова откликнулись, но голос шел как будто уже издалека. Солдат снова окликнул, и услышал еще более далекий ответ. Вновь крикнул - уже вообще ничего не было слышно! Тут солдат толкнул дверь и вошел, но никого не увидел, лишь на стене различил знаки. Солдат переписал иероглифы и доложил обо всем Ли. Вот что это было за стихотворение:

"Хоть уже в утробе плод и созрел давно,
Но в торговых я рядах, теща сердце, жил.
Голодранец-книжник мне разомкнул уста,
И теперь сокроюсь я среди белых туч."

Ли и Чжун сожалели, что бессмертный порвал связи с суетным миром, и это помешало им встретиться с ним.

- Я спросил его имя и фамилию, и он ответил, что родился в устье реки, а вырос у горного прохода, теперь же - гость из охраняемого ущелья, - рассказывал Чжун. - Что бы это значило?

Ли погрузился в раздумья и вскоре сказал:

- Я понял! "Родился в устье реки, вырос у горного прохода" -- здесь два "рта", значит, иероглиф "Люй". А "гость из охраняемого ущелья" - "дун", "гость" же означает "бинь". Теперь ясны имя и фамилия святого.

Ли с Чжуном снова вздохнули в досаде. А сочиненное святым старцем стихотворение называется "Весна в Циньских садах".

Чэн Шуй

(Во сне попадает в загробное судилище
и дает показания по делу)

Чэн Шуй - второе имя его Цянь-дао - был из города Чанъи в Таньчжоу. Семья у него была очень бедная, и чтоб прокормить ее, Шуй целыми днями работал. А в свободное время ходил в школу учиться. Прослышав про это, люди из высших слоев общества прониклись глубоким сочувствием к устремлениям Шуя, а не чуждые чувства долга жертвовали ему рис и шелк, чтобы облегчить тяготы жизни, и благодаря этому Шуй мог продолжать учение.

В годы под девизом правления Цин-ли Шуй самым первым выдержал экзамены в Таньчжоу и был назначен тюремным смотрителем в Чэньчжоу. Потом его отозвали для отбора на другую должность. Шуй нашел пристанище для семьи в южных переулках у реки Суйхэ.

Как-то однажды вечером ему вдруг стало очень плохо. Шуй ничего не осознавал вокруг, его всего с ног до головы трясло как в лихорадке, и дыхание было слабое: как волосок тонкий. В таком состоянии он пролежал три дня, а потом поднялся и глубоко вздохнул. Домашние окружили его и, плача, спрашивали:

- Что это с тобою?!

- Посмотрите в моей шкатулке, там ли визитная карточка юйбу Вана, который когда-то управлял нашей областью! - испуганно попросил Шуй. Поискали в ящичке, но карточка пропала. Шуй тогда сказал:

- Да, охраняющие ворота ада чиновники очень сильно могут напугать человека! Когда я заболел, вдруг увидел: чиновник в синем платье держит в руках книгу. Чиновник сказал: "Вас вызывает начальник области!"

Мы вышли через деревянные ворота и прошли пятьдесят-семьдесят ли. Тут вдруг сгустились сумерки, и подул сильный ветер. Кругом не стало слышно ни кур, ни собак. Прошли еще сто ли и подошли к реке. Я очень устал и присел отдохнуть под старым деревом. Потом посмотрел вверх - и увидел один голый ствол!

Здесь же, рядом с деревом, сидели друг перед другом два чиновника. Я их спросил:

- Это дерево высотой в сто чи и больше, наверное, шестидесяти обхватов толщиной, на вид очень могучее, почему же на нем совсем нет зеленых листьев?

- Множество преступников отдыхает под ним, да жжет дерево пламя преисподней - потому-то листья и опали! - ответил один из чиновников. Тут я понял, что умер, и, безутешно рыдая, взмолился:

- Я исполнял свою службу честно и бесхитростно, решая дела, проявлял серьезность, в моем сердце не было обмана - за какое же преступление я умер?! Моя семья очень бедна, обрела сейчас временное скромное пристанище в столице - и если я сейчас умру, то родственникам не на кого будет опереться! - продолжал я голосить. Чиновник сказал:

- Я сам из Чанша, а тут стал посыльным - и очень недоволен! Но мы с вами соседи, к тому же здесь есть еще мой земляк - яюань Ху. Я вас к нему отведу, вы попросите, и он уж точно вас защитит!

Мы куда-то пошли, и чиновник провел меня мимо какого-то водоема к присутственному месту. Прошли ворота и две галереи с высокими крышами. Чиновник увлек меня под галерею и сказал:

- Подождите немного здесь, а я доложу господину Ху.

Прошло много времени и вдруг появился Ху Мао из города Цайлин, что в Хэнчжоу, с которым меня связывала давняя дружба. Мы очень обрадовались встрече, и Ху сказал:

- У вас, должно быть, серьезное преступление, потому что эти два чиновника - из управления по расследованию важных дел.

Я испугался. Ху сказал:

- Вы идите! Я уже послал чиновника доложить, - и прибавил:
- В аду вовсе не просто скрыть свои преступления и злодеяния. Поэтому, когда вы предстанете перед владыкой, говорите ему о своем деле все напрямик, остерегайтесь что-либо скрыть!

Тут вдруг я вошел в большие ворота. Какой-то человек сидел в зале. Чиновник сказал:

- Это Владыка!

Я пал ниц на каменные ступени, а Владыка молвил:

- Когда ты управлял уездом Чэньсянь, то убил пятьдесят быков, а быки, меж тем, не щадя своих сил, трудились, чтобы прокормить людей. Быки не совершали преступления, за которое их было должно казнить. Ты обязан вернуть им жизнь, чтоб они могли получить перерождение!

- Не я казнил их! - отвечал я. - А правитель области Ван Чжэнь, который усмирять варваров мань. Надо было накормить войска.

- А какие у тебя есть доказательства? - спросил Владыка.

- В моем доме находится письмо, собственноручно написанное Чжэном.

- Как найти эту бумагу?

- Она в моей шкатулке.

Владыка приказал чиновнику сходить и принести бумагу. Чиновник скоро вернулся. Владыка кликнул чиновника и приказал немедленно доставить Ван Чжэня. Ван появился на дворе. Владыка бросил бумагу к ступеням и спросил:

- Неужели это написано вашей рукой?

- Эту бумагу действительно писал я, но подчиняясь приказу: когда в предгорьях было сражение с мань, военный чиновник Ху Ли-бинь приказал мне собрать быков, мы посовещались и решили угостить солдат.

Владыка приказал увести его, и сказал мне:

- Я призвал вас быть свидетелем по делу, но срок вашей жизни еще не истек, так что можете поторопиться с возвращением!

Я вышел за ворота и увидел Мао, захотел побеседовать с ним перед долгой разлукой.

- Все-таки здесь я имею некоторую власть! - сказал Мао.

- Да, сегодня мне посчастливилось получить продление жизни!.. Я много слышал про ад, так можно ли мне взглянуть на него? - попросил я.

- Мне нетрудно показать вам ад, но, боюсь, пользы для вас в этом не будет!

Но я очень настаивал на своем желании. Тогда Мао кликнул чиновника, дал ему вверительную бирку и сказал:

- Быстро возвращайтесь! - а мне наказал: - Не отставайте от чиновника! Если только потеряетесь - вам не выйти из ада!

Вместе с чиновником я дошел до высокой стены. На стене сам собою рос дикий колючий терновник, острый как нож, такой густой, что и змея не проползет! В стене были невысокие, но весьма толстые ворота. Чиновник постучал в них, и изнутри его окликнули:

- Преступники?

- Нет, у меня бирка яюаня! - отвечал чиновник.

Тут ворота отворились, и показался черт с красными волосами, короткими руками, грудь и спина его были покрыты железным панцирем.

- Личный друг яюаня хочет осмотреть ад. Уходи-ка побыстрее, а то он тебя увидит и перепугается! - поспешно сказал ему чиновник. Черт скрылся, и мы вошли в ад. Слева и справа были высокие строения. У них - тысячи лежанок. Под лежанками мерцали огоньки - то совсем погаснут, то снова разгораются. На лежанках сидели и лежали люди, стонали, громко кричали. Тела у них были обгорелыми, причем до такой степени, что разобрать, где мужчина, а где женщина, было невозможно. Я зигзагами пробирался меж ними и разглядывал. Потом чиновник поторопил меня выйти оттуда. Снова мы подошли к какому-то месту, и чиновник мне сказал:

- Это ад, где пилят.

Перед большими домами находилось бесчисленное множество людей, их тела были пронзены остриями, и сотни, тысячи змей ползали среди этих преступников и задевали эти острия хвостами или же хватали их пастью. Люди вопили так, что их криков нельзя было вынести. Чиновник снова поторопил меня выйти, сказав:

- А дальше - ад кипятка и огня. Людям к нему приближаться нельзя!

Я посмотрел вперед и увидел вздымающиеся по временам высоко вверх языки бушующего пламени, и слышал неистовые крики многих десятков тысяч людей. От всего этого я почувствовал

стеснение в груди и боль в сердце. Чиновник вывел меня из ада, и тут у меня из носа и горла потекла кровь. Потом мы прошли через нагромождение каких-то развалин, из которых торчала человеческая рука.

- А это кто? - спросил я.

- Это циньский генерал Бай Ци. Пребывает здесь за злодеяния.

- Но ведь Бай Ци умер тысячу лет назад, неужели он все еще здесь?!

- Некогда он казнил четыреста тысяч пленных, и нет преступления больше, чем это! А эти нагромождения - человеческие кости. Ветер, дождь и огонь довели их до такого состояния. Еще через тысячу лет развалины обретут свой первоначальный вид, и Ци полностью появится над землею. И только еще через тысячу лет он сможет переродиться, но не человеком! - и чиновник добавил: - А теперь быстренько возвращайтесь и меня не задерживайте!

Вместе с чиновником я пошел обратно. Вскоре у дороги показались дворцовые палаты.

- Что это? - поинтересовался я.

- Храм Сянгосы, - отвечал чиновник. Я удивился, а чиновник, приняв торжественный вид, отвесил глубокий поклон в сторону дворца, после чего пошел дальше.

- Почему вы так сделали? - спросил я.

- Потому что там, - указал чиновник на храм, - священные статуи.

Мы поднялись на мост у храма. Пошли по южному берегу Бяньшуя на восток. Только сделали несколько шагов, как чиновник рукою толкнул меня в Бяньшуй - тут я и очнулся!

Шуй кончил жизнь на посту начальника уезда Хуанган в Чичжоу, и ныне там живет его сын.

Мое же мнение таково: Чэн Шуй когда-то служил вместе с моим покойным отцом и проживал в столице. Они были соседями. Потому-то я и знаю все эти подробности. Шуй своими глазами видел, как решаются дела в подземном судилище. Ведь Ци казнил

чжаоских пленных - от этого действительно сердце холодеет! - но вот как воздалось ему за это в загробном судилище! Так как же можно творить плохие дела?!

Записки о красной змейке

(Ли Бо-шэн спасает змейку и сдает экзамены)

Ли Юань жил при великой Сун, второе имя его было Бо-шэн, а сам он был из Гуаньчэна, что в Чжэчжоу. В годы под девизом правления Цин-ли его отец был назначен чиновником в уезд Цяньтан, и Юань поехал вместе с ним.

В праздник зимнего полнолуния Юань отправился сдавать экзамены и на лодке доплыл до Уцзяна.

Юань одиноко прогуливался пешком по берегу, как вдруг увидел маленькую змейку - длиной не более чи, с багряной чешуей, узорчатый брюшком, медного цвета спинкой и пурпурным хвостом! Издали она прелестно сверкала в лучах солнца. Змейку мучил пастушок, и Юань, исполнившись жалости, купил ее за сто монет. Завернув змейку в полу халата, Юань вернулся назад, омыл змейку в ароматной эссенции и смыл с ее ран кровь, а поздно ночью отпустил ее в заросли травы. Сам же на следующий день уехал.

На другой год Юань опять ехал на восток по великому каналу и проезжал по Уцзяну. Однажды он пересекал Длинный Мост, и тут какой-то мальчик в синем обратился к нему с поклонами и доложил:

- Сюцай Чжу хочет нанести вам визит!

Юань взглянул на визитную карточку, а там написано: "Цзиньши Чжу Цюань". Тогда он поступил как полагается - надел шапку, пояс и отправился... Поклонился, смотрит - молодой человек, манера держаться чистая и возвышенная, походка быстрая, свободная и изящная!

- Отец велел мне позвать вас, совершенномудрый, для беседы!
- молвил юноша. - Наш дом всего-то в нескольких сотнях шагов от Длинного Моста!

- Да, но с вашим уважаемым отцом мы раньше не были знакомы, так отчего же он зовет меня? - удивился Юань.

- Отец так сказал: "У меня старая дружба с вашим дедом". Потому и послал за вами! Отец мой уже стар и давно не выходит из дома, надеюсь вы извините, что он сидит сиднем! - тон приглашения был очень любезен, и Юань никак не мог отказать юноше. Они вместе перешли мост, там уже стояла у берега расписная лодка. Они сели в лодку, поднялась пара весел из коричневого дерева, и лодка будто полетела по волнам. Подплыли к горе. На берегу ожидало несколько десятков людей, похожих на государственных служащих. Юань сел в паланкин и скоро оказался у красочных створчатых ворот, высоких палат, которые охраняла очень свирепого вида стража! Прямые высокие галереи, огромные дворцы достигали облаков, пурпурные терема высились в пустоте, у самой воды стояли беседки, драгоценные украшения заполняли свободное пространство потолочных балок, ступени были выложены ледяным нефритом, ниспадающие пологи унизаны жемчужинами, окна выложены плитками шлифованной яшмы - в мире людей даже у самых знатных такого не найдется! Вдруг видит Юань: в зале сидит старик в высокой шапке и даосском платье, а вокруг него - красавицы.

- Это наш господин, - сказал Юаню чиновник. Тут юноша ввел Юаня в зал, Юань поклонился старику, старик поклонился ему в ответ, усадил и сказал:

- Давно уже я оставил мирские дела и не мог сам нанести вам визит! Поэтому я остался дома, а за вами прислал лодку. Надеюсь, вы не сочли это чем-то предосудительным... Мой сын пригласил вас, и теперь мы можем поговорить с глазу на глаз!.. Когда сын мой был еще маленьким, однажды гулял он по берегу Уцзяна, и с ним случилось несчастье: он подвергся оскорблениям невежественного мальчишки! И если бы вы, благородный муж, не обладали гуманной, исполненной чувства долга душой и, заплатив сто монет, не спасли ничтожную жизнь моего сына, сейчас останки его покоились бы в земле на берегах Уцзяна! - тут Юань вспомнил, что как-то спас красную змейку.

- Этот господин, - обернулся старик к юноше, - тот человек, который вернул тебя к жизни. Ты сто раз должен ему поклониться!

Юань вскочил, желая отдать ответные поклоны, но старик самолично поднялся и удержал его:

- Вы должны сидя принимать его изъявления вежливости! Да и этого недостаточно, чтобы отблагодарить вас за щедрую милость!

Тут он приказал внести вино и устроил грандиозный пир. Утварь была вся из золота и нефрита. И были всевозможные изысканнейшие явства. Потом вошли девушки, певшие изумительные песни и чудесно танцевавшие, заиграла небесная музыка бессмертных - всё такое, чего не бывает в мире людей!

Вино обошло несколько кругов, Юань поднялся и сказал:

- Я - ничтожный книжник, и никаких особых талантов у меня нет, но я удостоился такой щедрой милости хозяев, что не могу сдержать огромной радости. Только вот я опасаюсь как бы лодка, на которой я еду, из-за моего отсутствия не задержалась. К тому же я хотел бы поскорее увидеться с отцом и матерью!

- Вы оказали моей семье такое благодеяние! - сказал старик. - И я надеюсь, что вы не покинете нас столь быстро, не закончив еще нашей любезной беседы!

- Тогда я хотел бы узнать поподробнее о том, как вы, князь, здесь живете, - спросил Юань.

- Вообще-то, я - дракон южного моря. А в мире людей у меня были незначительные заслуги, вот Небесный Владыка и послал меня жить сюда, да еще пожаловал титулом Аньлювана - Князя-Усмирителя Поток. К счастью, тут реки широкие и озера глубокие, так что можно найти приют. Вода благодатная, и ключи чистые - достаточно, чтобы поддержать мою старость! - и старик продолжал. - Знаю я, что вы ищите выгод от службы, чтобы покрыть почетом своих родителей. Хочу отдать вам ничтожную благодарность за щедрую милость. Разрешите ли?

- Дважды уже ходил я на экзамены, но еще не был благодетельствован высочайшим благоволением, - отвечал Юань. - Если бы я удостоился покровительства, то живой или мертвый, но добился бы славы!

- У меня есть дочь, - сказал тогда ему старик. - Лет ей еще не столько, чтобы укладывать волосы в прическу. Хочу подарить вам ее в услужение с совком и метлою. Возьмите ее, и она поможет вам! - и еще он дал Юаню в подарок сто цзиней серебра.

- На вещи вроде жемчуга я не смею скупиться, но ведь серебро легче продать! - объяснил старик. Тут они с Юанем распрощались, Юань вышел за ворота и снова сел в лодку, вместе с ним села и девушка, и они поплыли вместе. Вскоре они пристали к берегу, чиновник донес серебро до лодки Юаня и удалился. Юань взгляделся внимательнее в девушку - изысканно-нежная, лицо чисто-прекрасное. Спросил ее о возрасте, и она отвечала:

- Тринадцать лет! - и сама уже назвала свое детское имя: Юнь-цзе. Говорила и улыбалась умно, и Юань всей душою ее любил.

Три года спустя огласили указ о сдаче экзаменов.

- Я тайком проберусь в экзаменационный двор и подсматрю, какие темы будут на экзамене, - предложила девушка. Юань обрадовался. Юнь-цзе вышла за ворота и вскоре вернулась, уже зная темы. Юань проверил, как говорится, легкость пера.

А на другой день, явившись на экзамен, Юань блистательно добился своей цели и одержал победу, заранее зная свою тему. После того, как его рекомендовали, на провинциальных экзаменах Юнь-цзе проделала то же самое - и Юань не менее блистательно сдал экзамен. Он был назначен на должность секретаря в Даньту, что в Жуньчжоу.

Как-то Юнь-цзе сказала, что ей пора уходить. Юань, плача, оставлял ее. Но та не соглашалась:

- Я получила приказ, как же можно медлить?!

Юань устроил прощальный пир, провожая ее, и Юнь-цзе сочинила стихи:

"Шесть лет провела я здесь

в благодарность за милость

Но вышли все сроки, меня водное царство зовет.

Поженившись, расстанемся - так уж случилось,

Не печальтесь - с новой женою печаль пройдет."

Вскоре Юань женился. А когда глядел на это стихотворение не мог сдержать слез.

Юнь-цзе, плача, снова поклонилась, встала с циновки - глядь, а ее уже нет! Много раз Юань рассказывал об этом своим родственникам. Он еще жив сейчас.

Мое мнение таково: Рыбы и змеи обладают душой. Если увидишь их - убивать нельзя. А уж если спасешь, непременно отблагодарят! Полностью ясны рассказы о том, как в древности змеи и черепахи воздавали благодарность людям, обладавшим чувством долга. Не стоит снова пересказывать их. Но те истории не похожи на происшествие с Юанем, оно современно и подробно, поэтому я и сделал из него рассказ.

Юань Юань

(Святой старец, одушевляя мертвое тело, спасает Ли Шэна)

Не знаю, откуда родом наставник Юань Юань. В халате из стеблей и туфлях из травы он обошел всю Поднебесную. И всегда, повсюду был сильно пьян. В один прекрасный день он появился в уезде Чанцин, что в Цичжоу. А в городе жил некий Ли Шэн, превосходивший всех своим богатством. Проходя мимо его ворот, наставник указал пальцем на Ли и молвил:

- Подари мне на вино сотню золотом!

Ли не отказал ему в просьбе и даже на время оставил у себя. С того дня минул целый год, но Ли не выказывал ни малейшего недовольствия.

- Уже давно я стесняю вас! - в один прекрасный день Юань стал прощаться с Ли. - Собираюсь в дальний путь! И если вы на прощание угостите меня вином, то это будет верхом хозяйского гостеприимства! Я же вас тоже кое-чему научу.

- Ладно! - отвечал Ли и вместе с наставником направился в город. Когда пир был в самом разгаре, наставник сказал:

- Вас ожидает большая беда. Вы должны быть осмотрительны, тогда избежите ее, а если нет - будет неизмеримое несчастье!

- Если вы, наставник, ныне удостоиваете меня своими советами, то как я посмею ослушаться вас?! - отвечал Ли. Тогда наставник достал кисть и на ладони Ли написал иероглиф "осмотрительность".

- Остерегайтесь избить человека! - сказал наставник. - Коль изобьете, то человек умрет. Месяц не выходите за ворота - тогда все будет в порядке.

Вернувшись домой, Ли неотступно день и ночь соблюдал слова наставника и не смел выйти за порог. Минуло полных десять дней, и однажды Ли услышал за воротами громкие крики. Забыв про наставника, Ли вышел взглянуть, в чем дело. Смотрит - какой-то хромой нищий, стоя перед закладной лавкой Ли, поливает ее хозяина непристойной руганью. Ли пришел в гнев и ударил его. Хромой упал на землю и головой ударился о дверной порог - замер, не дышит! Прошло много времени, а нищий не подавал признаков жизни. В великом горе зарыдал Ли:

- Не послушался я совета наставника, - сказал он матери. - Вот и случилась большая беда! И бежать мне нельзя - как покинуть вас, матушка?! - Ли был в большой печали. По характеру своему он был в высшей степени почтителен к родителям.

- Если сейчас бежать, то еще можно спастись! - возразила мать. - Не сиди и не жди, пока свяжут!

Тут Ли вышел из дома через заднюю дверь и бросился прочь. Только вышел, глядь - наставник! Ли, рыдая, стал кланяться.

- После того, как мы расстались, прошло десять дней, я беспечно отнесся к вашим советам, и сегодня все случилось так, как вы говорили, наставник! Что же теперь делать?!

- Возвращайтесь, я что-нибудь придумаю! - был ответ.

Уединившись в тихой комнате, наставник сказал Ли:

- Выйдите и дайте себя схватить, у меня есть план! - и наставник закрыл двери и смежил веки. Ли вышел из ворот - любопытные запрудили всю улицу, и чиновники тут же схватили его. Вдруг хромой поднялся и сел, а вскоре пошел и быстро скрылся из глаз. Тогда чиновники отпустили Ли и велели ему идти домой.

Войдя в комнату, Ли увидел, что наставник все также чинно сидит с закрытыми глазами - будто погруженный в созерцание!

Только на другой день наставник, наконец, открыл глаза и сказал Ли:

- Поскольку хромой, конечно же, умер, я ввел свой дух в его тело и заставил идти. Я отогнал его прямо на берег ручья в пещере на горе Линьяньшань, в место, куда еще не ступала нога человека, - наставник продолжал: - Вы очень почтительный сын, за это вам полагалось хорошее воздаяние - срок вашей жизни составлял семьдесят четыре года. Но сегодня, убив хромого, вы на четыре года сократили его, - и наставник собрался уходить.

- В благодарность за ваше благодеяние - возрождение мертвого к жизни - недостаточно всего того, что есть в моем доме! - воскликнул Ли. - И не знаю, что вы пожелаете, наставник?

- Да ведь я то исчезаю, то появляюсь вместе со звездами, я долговечен, как небо и земля, - улыбаясь, отвечал наставник. - На что же мне земные ценности?! - и ушел.

История Цзян Дао

(Цзян Дао не ищет зарытые кости полководца)

Цзян Дао, второе имя его Мян-чжи, родом был из Цзиньчжоу. В юности он проявлял любовь к учению, много путешествовал в Восточном Цай. Как-то он заночевал на постоялом дворе в Чэньчжае. Среди ночи в дверь постучали, и раздался голос:

- Пожаловал с визитом бывший военачальник У Чжун!

Дао про себя подумал, что ночь вовсе не подходящее для визитов время. Он молчал, не отвечая, как вдруг двери сами собой распахнулись, и вошел человек лет сорока с лишним, одетый в военные доспехи, и вид у него в высшей степени воинственный. Дао тут же подхватил одежду и вскочил с поклоном. Они уселись, и Дао спросил:

- Откуда вы прибыли охранять здешние земли?

На лице военачальника вдруг появилось горестное выражение, он долго молчал, а потом ответил:

- Я не человек нынешнего времени! Хочу рассказать вам всю правду, да боюсь втайне, что напугаю почтенного господина! ...Я знаю, что ваша милость, как конфуцианец-книжник непременно обладаете полным чувством долга. Ваш покорный слуга умоляет вас выслушать его! Не смею осквернить вас поспешными речами! - тут вошел солдат, неся в руках кубки и посуду, расставил вино и закуски. Дао вскочил и стал благодарить:

- Я, простой путник, удостоился приглашения на пир, мне, право, очень неудобно!

- Что вы, что вы! - отвечал полководец. Они выпили...

- Вы, господин полководец, человек не нынешнего времени. Какого же тогда? - спросил Дао.

- Я - ... танского У Шао-чэна. Фамилия моя У, а имя - Чжун. Поскольку фамилия с Шао-чэном у нас одинаковая, да и имя мое созвучно ратным победам, то при дворе я пользовался особой милостью.

- Я как-то читал в "Истории династии Тан", что, начиная с правления императоров Дэ-цзуна и Шунь-цзуна, могущественные подданные стали покушаться на государство, узурпировали власть в областях, возвели мощные укрепления, не взирая на..., что называется, дети сменяли отцов, и младшие братья наследовали посты старших, а Поднебесная была разделена на четыре части и пять кусков! Под властью Шао-чэна были земли Чэнь и Цай, ... могущество достигло расцвета, и если хоть что-то делалось против его желания, он тут же посылал солдат во все стороны, и соседние области очень страдали от его злодейств. Я видел, что равнинные земли в Цай обширны..., отделены горами и рекой, и войска всей Поднебесной не смогли бы сокрушить Шао-чэна. Он тайно правил в Цай пятьдесят лет, и сильные войска... замыслы. Но ныне я повстречался с вами, полководец, и хотел бы услышать обо всем этом подробнее!

- В то время те, кто не следовал приказам Владыки, не были... Шао-чэна, - отвечал военачальник. - Шао-чэн очень заботился о воинах, пил и ел наравне с самым последним солдатом! Если среди солдат кто-то заболел, Шао-чэн... приказывал врачу лечить его, и

самолично приходил навестить больного. Если среди солдат кто умирал, Шао-чэн давал деньги на погребение,... если кто-то из его людей погибал на поле битвы, Шао-чэн лично оплакивал его. Потому войско его любило и сражалось насмерть. ...враг, то Шао-чэн самолично брал в руки знамя и бил в барабан, объявляя войску приказ. Вот почему он одержал множество побед и потерпел мало поражений. Впоследствии в Чэнь появился Лю... Шао-чэн сделал его вторым военачальником, вручил ему важнейшие земли и поэтому не осуществил своих намерений. А когда Шао-чэн был уже при смерти, он сказал своему сыну Юань-цзи: "Когда я умру, жители Цай в память обо мне поставят тебя военачальником! Ты заботился о моих желаниях, пока был жив я, и воистину не жаждал наживы... императорского двора. Нынешний владыка достиг высшей просвященной мудрости, решительно и твердо вершит дела, стремись к согласию, если у тебя есть цель, непременно... нанести вред делу, которое я начал!" и тут Шао-чэн укусил себя за палец, пролил кровь наземь и крикнул громко: "Запомни мои слова!" Когда Шао-чэн умер, Юань-цзи повел себя мужественно, не имея задних мыслей. После смерти Шао-чэна из соседних областей донесли двору о Юань-цзи, как о разбойнике. Сын Неба прогневался, назначил военачальника и двинул со всех сторон войска. Юань-цзи стали давать всякие советы, но он пришел в гнев и зарубил советников. Государственные войска подступили к границам. Я командовал авангардным отрядом войска из Чэнь, сражался и погиб на этом самом месте. Мои останки покоятся как раз к западу от этого зала, лежат глубоко насколько сотен лет, не будучи в состоянии вырваться из мрачного плена. Вы можете спасти мои останки, извлечь их и захоронить на равнине, дав мне тем возможность обрести перерождение! Я щедро отблагодарю вас!

- Если это в моих, силах, то я не посмею не исполнить просьбы! - отвечал Дао.

Они еще выпили вина. Близился рассвет, и Чжун сказал:

- Недолго нам довелось сегодня пробыть вместе, господин, но я надеюсь... - и подарил Дао несколько слитков белого серебра, а также пару золотых кувшинов. Вскоре он ушел. Дао внимательно

осмотрел кувшин - настоящее золото! И весу в нем несколько цзиней! Тогда Дао перебрался в комнату у западной стены переднего зала и среди ночи стал копать землю. Прокопал на глубину несколько чи, но костей не нашел.

На следующий день Дао снова искал, но тоже безуспешно. Тогда он подумал, что кости, должно быть, под стеной, но этот постоянный двор был казенный, и Дао, не посмев рушить стену, удалился. В душе Дао было беспокойство.

Как-то он был проездом в столице. Дао вышел по берегу Бяньшуя на восток через ворота Сунмэнь, как вдруг - кто-то кланяется ему, будто старый знакомый. Прошел еще несколько шагов, и тот человек окликнул Дао:

- Вы не помните меня?

- Ваше лицо, господин, мне очень знакомо, но кто вы - не припомню!

- Я дух тех брошенных костей, что лежат в Чэньчжае! Как-то я дал вам одно поручение, что же это вы, а?

- Два вечера подряд искал я ваши кости, но так и не нашел! Боюсь, что кости ваши под стеной. Я не посмел разрушить казенное строение, и потому оставил поиски.

- Да они как раз под юго-западным столбом! Что же вы, господин, не сделали подкоп и не достали их?!.. нельзя поручить, вы, человек, не знающий добра, воспользовались моим серебром! Я непременно отберу его у вас!

Позже Дао заболел и слег, и ничто ему не помогало. Все серебро, которое он получил, ушло на расходы.

Никогда больше Дао не осмеливался ездить через Чэньчжай.

Записки о глиняном ребенке

Солдат из охраны по имени Цянь Цянь шел как-то по берегу реки. Вдруг он увидел на поверхности воды глиняного ребенка. Ребенок сверкал чистыми красками. Цянь выловил его и, придя домой, отдал жене.

- Вы принесли мне это, наверное, потому что у нас нет детей!
- сказала жена. Она сделала для глиняного ребеночка шелковую одежду, днем носила его на руках, а на ночь укладывала в спальне.

Однажды вечером глиняный мальчик обмочил циновки, и Цянь выбросил его в канаву. В полночь мальчик сам вошел в ворота дома и, рыдая, стал просить жену Цяня дать ему грудь, а потом залез на кровать и спрятался под одеяло.

Испугавшись, Цянь пригласил некоего Кана погадать, что все это значит. Раскинув гадальные бирки, Кан сказал:

- Это имеет отношение к судьбе всех нас троих!

Придя от такого ответа в раздражение, Цянь спросил Кана, как быть.

- Когда вернетесь домой, - отвечал тот, - берите нож и бейте его ножом. Должно помочь.

Цянь наточил нож, подождал пока мальчик появится, кинулся, ударил его, и тот закричал. Потом, взяв свечу, Цянь посмотрел - не мальчик, а его собственная жена лежит в луже крови!

Назавтра Цяня по приказу властей схватили, и он показал, что его подучил Кан. Послали за Каном, чтобы он дал показания, но оказалось, что Кан повесился. Так и не смог Цянь оправдаться, и его казнили в восточной столице.

Способ дыхания "гуй-сю"

Ван Чжао-су владел способом дыхания "гуй-сю". Умер он в возрасте более чем в девяносто лет, а голову нашли у него в желудке.

Госпожа Чжоу Чжу никак не написала бы эти стихи

Жена Цао Гуя госпожа Чжу была женщина упрямая и злобная. Кто-то посоветовал сыну Цао прочитать вслух "Гуаньцзюй", чтобы усовестить ее.

- А кто написал "Шицзин"? - спросила мать.

- Чжоу-гун, - отвечал сын.

- Да, госпожа Чжоу уж никак не написала бы эту песнь! - добавил Цао.

Впоследствии, когда господин Цао был назначен на пост начальника уезда, в присутствии однажды слушали тяжбу между мужем и женой. Хотя жена Цао и настаивала на несправедливом, Цао все же вынес справедливое решение. После этого случая госпожа Чжу внезапно занемогла. Во сне два чиновника доставили ее в загробную канцелярию, и столоначальник огласил указ:

- Строптивая жена и робкий муж - как твердая сердцевина и мягкая наружность! Женщина в одиночку не может решать дела управления. Где же искать справедливости тогда простым людям?! Бить ее плетьюми по спине такое-то число раз!

Госпожа Чжу сложила стихотворение:

"Женщиной я родилась,

Правила домом умело.

Мужнину власть я в руки взяла,

Чтобы в решениях прихотям потакать...

Столько-то бита плетьюми по спине."

Очнулась - а на спине следы от плети!

У Да меняет имя

У Да торговал туфлями на мосту Хунфэйцзяо. А сосед его Ван Эр-шу был по профессии сапожник, и оба они трудились ко взаимной выгоде.

- У меня есть дочь, - сказал как-то Ван, - и я хотел бы с вами породниться.

- Ладно! - отвечал У. Заключение брака, а потом Ван умер.

Прошел год. Как-то вечером У возвращался домой. Пройдя сто с чем-то шагов, он увидел вдруг Вана, идущего ему навстречу с восточной стороны. Ван пригласил У в винную лавку.

- Да ведь вы уже умерли! - воскликнул У. - Как же вы тут-то очутились?!

- Конечно, - отвечал Ван. - Моя дочь удостоилась вашего милостивого расположения, и я в загробном мире испытываю глубокую благодарность. Поэтому я сегодня и пришел специально с вами повидаться. Теперь я назначен управлять этим мостом. Так вот: в ближайшие дни под ним должны погибнуть пятьдесят три человека, в том числе и вы, господин! Поэтому поменяйте имя и фамилию, а также в ближайшее время на мост этот не подымайтесь! Крепко запомните мои слова! - Ван вышел за ворота и пропал.

Вскоре, когда У стоял рядом с мостом, мост обвалился, и задавленных действительно оказалось пятьдесят три человека. Ну не удивительно ли?

Серебро сюцай Ли

Сюцай Ли был из Лянчжоу. Жил он бедно, и чтоб прокормиться, устроил начальную школу для ребятишек. В день к нему приходило не больше десятка учеников, и того, что они платили за учение, часто на еду не хватало.

Однажды Ли поразил какой-то недуг, и он в мучениях скончался, а на другой день вдруг ожил.

- После смерти под землей я увидел чжуаньюаня Яо. Он там ведал книгой записей положенной живой одежды и пищи. В былые дни мы с Яо вместе служили и ладили. "Вы бедны, а потому пока возвращайтесь! - сказал мне Яо. - Я тут заведу одеждой и пищей, и не смею иметь какую-то корысть от этого. Но в знак моего к вам расположения, сударь, я вам дарю еще десяток учеников и серебряную пластинку!"

Немного позже крестьяне вдруг снова стали присылать к Ли детей учиться, и по сравнению с прошлым учеников у него действительно стало на десять человек больше, а когда Ли однажды стал убирать в комнате, нашел серебряную пластинку.

Увы! Если даже количество учеников предопределено загробными властями, неужели тогда имеет смысл загадывать, как

сложится карьера, сколько лет отпущено прожить на свете и каким будет жалование на службе!

Министр Коу рушит храм

Когда министру Коу Чжуню было девятнадцать лет, и он еще не был министром, чжуаньюань Су И-цзянь провалился на экзаменах в столице и был послан управлять уездом Бадун. В пределах уезда был храм, его название мне неизвестно. Как-то начальнику уезда во сне явился плачущий дух и сказал:

- Скоро приедет первый министр, я не смею тут оставаться! Даже силой меня нельзя удержать!

- А кто этот министр? - спросил у него Су.

- Скоро сами узнаете, я не могу открыть вам это! - ответил дух. Тут Су проснулся и обо всем рассказал родным.

Вскоре прибыл правительственный вестник с указом о том, что Коу должен сменить Су на посту. И поскольку у того храма не было названия, и на плане уезда он обозначен не был, его разрушили.

Да! Действительно, дух знал заранее, что его храм сломают, а также знал и то, что Коу станет впоследствии министром! Говоря же о том, что остаться здесь ему никак невозможно, дух, конечно, имел в виду прямооту и решительность Коу.

Красное сияние Чжан Ю

Цзиньши Чжан Ю приехал в столицу из Эчжоу сдавать экзамены. И вот испытания закончились, но списки выдержавших еще не были вывешены. Чжан с компанией сверстников бродил по винным лавкам. Вдруг навстречу - какой-то человек, поклонился Чжану и говорит:

- Вы, сударь, непременно выдержите экзамен, но вам следует беречься двух красных сияний. Пока они есть, вам не о чем беспокоиться, а исчезнут - и вы не уберетесь. Опасайтесь! - сказал он и исчез.

Чжан действительно выдержал экзамен, был назначен на должность и приехал к месту службы. Среди его начальников был человек, которого звали Хэлянь Ли - это и были "два красных сияния". Но вскоре Хэлянь умер, и Чжану тоже дали отставку от должности. Видно, все было predetermined заранее, и избежать этого никаким способом нельзя!

Господин Чэнь из Наньцзина

В год под девизом правления Цянь-син, когда Чжан Цзюнь-фан стал помощником правителя Цзянлина, начальник их области Ли Дань занемог, и дела в управе пришли в упадок. В столицу был послан чиновник, но никаких известий о замещении должности больного еще не поступило.

А в это время чиновника Либу (Департамента Церемоний) Чэнь Чун-и пожаловали должностью налогового эmissара в провинции Цзинхунаньлу. Чэнь как раз из Хэнчжоу приехал в Шаочжоу и там задержался, разбирая весьма запутанное дело. Покинув Шао, он поплыл дальше на лодке.

Однажды Чэнь остановился на ночь в буддийском храме. Около полуночи проснулся: какая-то служанка стала метаться с криками во сне, словно в бреду. Чэнь окликнул ее, девушка очнулась и вот что рассказала:

- Только что во сне я видела человека в белых одеждах, в шапке, очень внушительного и грозного с виду. Он, прижав почтительно руки к груди, сказал: "Господин сюэши получил в управление Цзинань. Я, пятый господин из Цзинани, пришел сообщить ему об этом. Скоро уже он вступит в должность".

Чэнь очень удивился. А после того, как он приехал в область, действительно прибыл с курьером указ о его назначении в Цзинхунаньлу - все, как во сне!

Позже, когда Чэнь прибыл на должность в Цзянлин, согласно традиции он зашел в храм местного бога. Чэнь стал говорить обо всем этом с Чжан Цзюнь-фаном и оказалось, что когда-то по вине

Ли Даня был разрушен храм Утунмяо. Тогда Чэнь восстановил и отремонтировал храм. Ну не удивительно ли?!

И-су выдерживает экзамен

Юаньвайлан Се И-су рассказывал:

В свое время он был на экзамене в цензorate, и когда экзамены кончились, Се один отправился в Сянгосы к гадателю с просьбой погадать о судьбе. Тот бросил гадательные бирки, посмотрел и сказал:

- Вы, господин, непременно выдержите экзамен!

- Ну да! - засомневался Се. - Только вчера были дворцовые экзамены, и я в оде использовал всего лишь семь рифм, а про восьмую забыл! Непременно провалюсь.

- Судя по гадательным биркам, - сказал гадатель, - годы вашей, господин, жизни связаны с успехом на экзаменах, а больше я вам ничего не могу сказать!

Потом и правда выяснилось, что Се¹ выдержал экзамены вторым - после чжуанъюаня Цай Ци! Совершенно непонятно, как это могло получиться. Ну, разве не судьба?

Люй Сянь меняет имя

Как-то Люй Фан должен был ехать в столицу на экзамены, Встретившись там с начальником рынка Лю Шэнь-шаном, очень с ним подружился. Однажды они сидели в винной лавке, и Люй спросил:

- Как сложится моя судьба в этом году?

- Сначала выпьем, а потом скажу, - ответил Лю. Потом продолжал: - В списке выдержавших весенний экзамен будет только Люй Сянь, а Люй Фана не будет. Измените имя, господин!

Это было еще до экзаменов в цензorate. Последовав совету Лю, Люй Фан изменил имя на Сянь, и действительно - в списке выдержавших его имя было после имени Ли Ди.

Ся-чжоу и А-хуань

Ли Ся-чжоу владел даосским искусством. В годы Тянь-бао он написал строки, в которых предсказал бунт Лу-шаня:

"Все жители ушли из городов.
Не возвращается никто из Ханьгуаня.
Если встретит черта под горой,
То на кольцо запишут о легком шелке."

И еще:

"Если Му-и встретит черта под горой
Определенно ясно - тут похоронят кольцо золотое!"

Ведь детское имя гуйфэй было А-хуань (Колечко), а черт под горой - это предсказание о Мавэе!

В то время в Шу одна монашка приготавливала ароматную мазь от выпадения волос, и эта мазь попала во дворцовые покои. Ей дали название "Мазь из Чэнду". Это - также предвестие того, что государь осчастливит Шу посещением!

Как разбогател Ши Эр

Крестьянин Ши Эр жил в столице за воротами Часянмэнь, и у него были там пахотные земли, а приписан Ши был к Кайфэну. У столичных жителей была поговорка: "Успех убьет Ши Эра". Ведь не всегда получается так, как задуманно, вот потому люди и говорили так, не вкладывая в это имя никакого смысла, никто и не знал о существовании такого человека.

Когда же императорский двор выехал в восточное предместье для церемонии на императорском поле, то оказалось, что за пределами алтаря все земли принадлежат Ши Эру. Церемонии благополучно завершились, Ши Эра щедро одарили, и его семья вскоре разбогатела. Однако вскоре Ши Эр умер, так что слова о том,

что успех послужит причиной его смерти - это предвестие, вышедшее из народных поговорок!

Цун-чжэн получает продление жизни

В начале годов Чжи-пин некий Хуан Цзин-го, секретарь управления уезда Басянь, что в области Юйчжоу, был пожалован назначением на пост военного инспектора в Хуайхуа. Один солдат из пограничных войск однажды обругал военного чиновника.

- Обругать чиновника - такое преступление заслуживает смерти! Однако, если мы закуем его, как положено, в кандалы и будем производить дознание, будет очень много мороки. Поэтому примем к преступнику свои меры, - и Хуан отдал цзюньсяо распоряжение дать солдатам по палке. Каждый ударил преступника по разу, так и забили до смерти.

А в пятый год Син-нин, когда Хуан служил в Ичжоу, пришел официальный вызов прибыть в столицу. В пути Хуан вдруг заболел и умер. Но прошло двадцать два дня - и Хуан ожил! Вот что он рассказал близким: "Вижу - за мной пришли какие-то два человека в желтом. Вышли мы за ворота, и через десять с чем-то ли я увидел дворцовый город и вокруг великое множество охраны. Мы пришли на аудиенцию к князю. Я дважды поклонился. "Да как ты смел безвинно убить человека!" - вскричал князь. Вдруг ввели какого-то человека, и тот громко завопил: "А ну, верни мне мою жизнь!" Я взгляделся, а это солдат из Хуайхуа! Тогда я рассказал от начала и до конца, как все было. "Раз так, то разве эта казнь была незаслуженной!" - сказал тогда князь. Солдат замолчал и ушел. Вдруг какой-то человек вывел меня за ворота, и тут я увидел ровные ряды дверей, и у каждой стояла охрана. Я обратился к чиновнику с расспросами, и тот, указав на одни ворота, сказал: "В этом аду пребывает танская императрица У-хоу. А тут - танские же продажные чиновники. Они заключены здесь на долгие-долгие годы!" ...Потом я снова предстал перед князем. "Вы знакомы с Не Цун-чжэном?" - спросил он. "Да, я его знаю". "В таком случае я хотел бы вас кое от чего предостеречь", - сказал князь, и тут ввели

женщину лет двадцати с чем-то. Воин вспорол ей живот и стал колоть внутренности ножом. Потоки крови залили пол, а криков женщины нельзя было вынести! "Это - госпожа Ли, жена некоего уездного секретаря Вана. Она возымела желание сблудить с Не Цун-чжэном, но тот не посмел. Теперь женщина здесь принимает муки. А Не мы продлили срок жизни на двенадцать лет. В загробном управлении к подобным делам относятся с наибольшим вниманием. В мире слишком много соблазнов, ради которых можно пойти на всякие ухищрения, но в загробном царстве закон строг, и уклониться от кары трудно! Поэтому старайтесь избегать таких преступлений, думайте о своем благополучии, господин!" - после этого князь меня отпустил".

Хуан навел справки о Не Цун-чжэне, и оказалось, что тот прослужил на одной должности уже пятнадцать лет, но никто не знал, почему так долго! Ну как не трепетать перед загробным возмездием!

Вторая дочь Чжан Луаня

Дочь Чжан Луаня из уезда Цзаньхуан в области Чжаочжоу умерла в седьмой день второй луны четвертого года Чжи-пин. Но не прошло и трех дней, как она ожила! Выговор у нее изменился - стал такой, какой бывает у жителей Хэдуна.

- Я - Ван Лянь-чжи из уезда Лэпин. Семнадцати лет отроду меня отдали в жены господину по фамилии Кунь. Но муж оказался злым и жестоким человеком, и я повесилась. Две души отвели меня в город и там доставили в княжеские палаты. У входа висела надпись: "Князь Цинь-гуан". Князь стал спрашивать меня, почему я умерла. Потом приближенные внесли огромное, размером с колесо от телеги зеркало, чтобы увидеть в нем мое отражение. "Когда-то эта женщина срезала кусок мяса с собственной ноги, чтобы вылечить мать, а потом - на собственном плече возжигала ароматные свечи, молясь об облегчении болезни свекрови. За эти два поступка ей можно продлить жизнь на двенадцать лет. Немедленно верните ее назад!" - приказал князь. И вот в

сопровождении чиновника я отправилась назад, но тело мое уже было безнадежно испорчено веревкой, и мы снова пришли к князю. Тогда князь разрешил мне вселиться в какой-нибудь другой труп, вот я и оказалась здесь!

И еще девушка рассказала о том, что в подземном аду все точно такое же, как и в мире людей. Сделаешь дурное или же хорошее - и воздаяние получаешь соответственно поступку. Ну как не страшиться этого!

Ча Дао

Ча Дао в годы под девизом правления Чунь-хуа отправился сдавать экзамены. Находясь в затруднительном материальном положении, Ча обратился за помощью к друзьям и знакомым, и так ему удалось добыть несколько десятков тысяч связок монет.

Однажды в придорожной гостинице он увидел девушку ослепительной красоты. Заговорил с ней, оказалось - это его землячка. Тогда Дао, что называется, вывернул мошну, заслужил ее расположение и посватался. В том году Дао в экзаменах не участвовал, а на другой год сдал, и впоследствии дослужился до поста в свите императора.

Чун-дэ встречает монаха

Когда император Чжэнь-цзун еще не был императором, он назначил дворцового посыльного Чэн Чун-дэ в дворцовые прислужники.

Однажды в ночь праздника фонарей Чун-дэ со всей семьей собрался в храм Чунцинсы полюбоваться на празднество. В это время какой-то чиновник, живший на улице Цзиньуцзе, пригласил гостей, и сбегалось большое количество слуг поглазеть на гостей. Чун-дэ тоже пошел. В толпе он увидел какого-то человека в коричневой одежде, стоявшего с полным спокойствием и безразличием. Чун-дэ, весь объятый волнением, подождал удобного случая и в укромном месте ударом кулака убил того человека,

забрал его дорогой халат и отделанный нефритом пояс. Потом увел оттуда своих домашних, и никто всего этого не видел. Когда рассвело, бросились на поиски убийцы, но, конечно, никого не поймали.

Когда же Чжэнь-цзун взошел на престол, Чун-дэ, что называется, вслед за взлетом дракона удостоился назначения на пост дянъчжи, и в течение двадцати лет занимал этот пост безо всяких перемещений по службе. Когда же, как говорится, колесница была запряжена слишком поздно, Чун-дэ, получив отставку, поехал в трауре на юг, и когда доехал до переправы, встретил какого-то буддийского монаха. Монах очень долго всматривался в Чун-дэ, а потом приветствовал его поклоном и сказал:

- Давным-давно вы убили человека, потому-то целых двадцать лет и служили безо всякого повышения! Встретил я тут человека в коричневой одежде, и он мне сказал, что его убили вы! А в загробном мире на вас за это наложили наказание, потому и не было передвижений по службе!

Тогда Чэн рассказал монаху, как все было.

- Будете проходить мимо храма Цзиньшаньсы, принесите там обильные жертвы. Тогда тот человек уйдет, а вы еще послужите! - посоветовал монах. Чун-дэ так и сделал. Вернулся в столицу, и его снова назначили посыльным в дворцовые покои.

Из этого случая ясно, что карьера чиновников предопределена заранее. Для того, чтобы быть привлеченным на службу, следует совершать добрые дела и не делать зла, ведь оно наказуемо!

Собрание Цинсо (У Дворцовых ворот)

У Фань Шу был сын. Семи лет отроду мальчик уже умел слагать стихи. Ся Цзин про него сказал:

- Меж облаков родившись, не пройдет дождем. Лист чахлый опадет - но не от осени дыханья.

А Фан Гань сказал:

- Определенно, этот мальчик долго не проживет!

Мальчик умер, не дожив и до десяти лет.

Лю Чжао-юй, второе имя Сю-лин, был родом из Учжоу. Он писал довольно колкие стихи, не боясь при этом, что называется, ветра с дождем. Ему принадлежат такие слова:

- Строчка найдена во мраке ночи. И душа с небес тотчас слетает.

И это не пустые слова!

Линь Цзюн и Хуан Ми-цзяо вместе путешествовали в местечке Юйциюань в Ляньцзяне. Об этом есть стихи:

"Прекрасны склоны гор зеленых Цюаньшань.
Уполномоченные двора в управе тяжбы разрешили
И утром скачут на конях в разрывах облаков,
И ночью в лодке при луне плывут назад.
Певички бесконечно нижут песен жемчуга.
Мы охмелели и ведем беспечный разговор.
А мелкие чиновники, что ничего не смыслят,
Несчетно много вздора говорят!"

У начальника отделения Се была дочь. Несколько лет отроду она уже могла декламировать стихи, а когда выросла, то была отдана замуж за Ван Юань-фу. Когда Юань-фу перевели в столицу, жена на прощание ему сказала:

- В этот раз вы очень быстро вернетесь назад со службы и, уйдя на покой, удалитесь на гору Ванфушань. Взгляните, господин мой, на бамбук, что растет перед храмом Сяншуйсы - не похожи ли бамбуковые листья на слезы маленького мальчика?

Чэнь Вэнь-хуэй поехал в Дуаньчжоу. Доплыл на лодке до Лулина и там встретил буддийского монаха-инородца.

- О! Глаза тигра, нос феникса, тело обезьяны! - сказал, увидев его, монах. - Такое не может появиться, что называется, на голой равнине. Вы получите покровительство, и скоро у вас будет пропитание, а потом и пост министра займете! - и монах сложил такое четверостишие:

Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"

"Глаза тигра, громкий голос -
 облик предвещает знатность!
Покровителя обрета,
 непременно высоко вы вознесетесь!
Знаю, вы сегодня направляетесь в Дуаньчжоу,
Помогу вам чистым ветром бурные валы смирить!"

Ван Чжун-цзюй известен как последователь дао. Матери его как-то приснилось, что она вместе с Чжун-цзюем попала на луну. Повзрослев, Чжун-цзюй усовершенствовал свои знания и на второй год Чан-син принял участие в экзаменах, а также побывал на аудиенции у Цинь-вана. Выдержав экзамены, Чжун-цзюй сложил для Цинь-вана стихи:

"За три тысячи ли рыбачью лодку ветром унесло!
Раньше, чем другие двадцать человек,
 ветвь коричную сломал я!"

А в годы под девизом правления Тай-пин син-го у Чжун-цзюя родился сын по имени Сы-цюань. Он тоже успешно выдержал экзамены на степень цзиньши. Ясно, предзнаменование о посещении луны касалось их обоих!

Продолжение собрания Цинсо

Ли Цзянь-сюнь, когда ему исполнилось восемьдесят лет, в Хунчжоу нанес визит Сунь Ци-цю и написал на стене скита Синьгогуань такое четверостишие:

"Весна пришла, вода разлилась - широко, как живая!
Рассвет западные горы озарил - будто движутся они.
Владыка сей нефритовой пещеры живет беспечно.
С посохом в руке он шаг за шагом бессмертия достиг!"

Ли вернулся в Гаоань и умер безо всякой болезни.

Инь Мэн - не знаю, откуда он был родом - как-то проспал два дня подряд, отсюда и его имя - Мэн, что значит "сон". В конце династии Тан Мэн не служил при дворе, а, надев халат из перьев, ушел, как говорится, в горы и воды. В уезде Шоусянь в скиту Сыкунгуань он написал на гадательном блюде с песком такие стихи:

"Лишь только сосны да ели в небе солнечном.

Не летит святой журавль за заплутавшим человеком".

и еще он написал о желтых розах:

"Замерла роса в чаше, струится по капле вино.

Сандал в руках испускает необычайный аромат."

Один день Мэн провел в доме семьи Хэ из Лилина, а на утро распрощался и ушел. Оставил стихи, в них говорилось о волшебном мече, который будет лежать в его гробу. Позже господин Хэ раскопал могилу Мэна и нашел там гроб - совсем пустой, а в гробу один только меч!

История Сянь Цзи-цзюня

Сянь Цзи-цзюнь, второе имя Лу-гань, однажды на дороге встретил служанку в синем платье.

- В вашем восточном кабинете уже давно ожидает гость! - доложила она. Сянь направился домой, вошел во двор, видит - прекрасная дева, что называется, блистает красотой в тени цветов! Сянь подумал, что это лиса-оборотень и с неприступным лицом отошел подальше. Тогда дева медленными шагами ушла.

Прошел месяц с небольшим. Вдруг дева прилетела к Сяню прямо по воздуху.

- Я, ничтожная, - дальняя родственница Сиванму, - сказала дева. - Живу в тереме Сичжэньгэ, у пруда Яочи.

И вот, будто во сне, она подхватила Сяня, и они сели на блестящих красками цилиней-единорогов, понеслись в холодной сверкающей бирюзовой пустоте и скоро оказались рядом с отвесным обрывом высотой во много чжанов. Поднялись на гору,

где росли персики бессмертия, и слева показался чудесный парк, сверкающий словно золото или серебро!

- А вот и Яочи! - сказала дева. Лазурные воды плескались в туманной дымке, далеко кругом поверхность воды сверкала мелкой рябью. Высились жемчужные башни, нефритовые чертоги, далеко окрест разносился нежный нефритовый звон. Среди красного сияния и изумрудных облаков словно повисла радуга, - и тут они коснулись земли ногами. Дева велела Сяню подниматься в терем Сичжэньгэ.

- Я слышала однажды, как Цзы Юнь-нян декламировала ваши стихи! - сказала дева. Но не успела она договорить, как разлилось во все стороны красное сияние, зазвенели жемчужные украшения и появилась женщина - глаза как звезды, прекрасное лицо словно подкрашено киноварью, пурпурные одежды.

- Это и есть Сиванму! - сказала дева. Прошло долгое время и прибыла Цзы Юнь-нян.

- А это - Сянь Цзи-цзюнь! - познакомила их дева. Вскоре они подняли винные кубки, и прислужницы запели "Пением вторят друг другу феникс с луанем" и "Раньше времени празднуют дождик и тучка".

Потом вошли в другую пещеру, а там бирюзовые персики, прелестные абрикосы, а аромат густой, как туман.

- Мы еще встретимся с вами в мире людей! - сказала дева. - А потом поселимся тут вместе.

Сянь распрощался и отправился домой.

Чжан Ши-нин возносится в сферу святых

Чжан Ши-нин, помощник инспектора училищ из тайюаньского управления захворал и был уже при смерти.

"Занавеси из перьев зимородка

украшают покои бессмертных,

Дворцы Цзыюньлоудянь -

чертоги Нефритового владыки.

В мире людей все изменяется легко так -

Оглянувшись, я смотрю на опавшие цветы у Улина!"
продекламировал Чжан и умер.

Потом дух Чжана вселился в его младшую сестру.

- Я - нефритовый святой из восемнадцатой пещеры верхнего неба! У пруда Яочи я ревизировал списки заслуг живущих в бренном мире бессмертных, как вдруг услышал аромат людского вина - душа моя пришла в смятение, а за такой проступок бывает сильнейшее наказание! Сиванму, узнав об этом, в наказание за то, что во мне сохранилось человеческое пристрастие к вину, послала меня жить бренной жизнью среди людей, но сегодня, наконец, я возвращаюсь в списки святых! - сказал дух и запел:

"Покой! Покой! Покой!

Коль есть возможность отдохнуть -

как сладок этот отдых!

Ликую я в доме врага, своей не берегу головы!"

Нищий из Лунхэцюя

Ли У-цзин отправился в столицу за новым назначением. Путь его лежал через местечко Чжутинчжэнь. Там Ли повстречал двух нищих-попрошайек, которые спорили у обочины дороги. Одна из них, ветхая старуха, голосила:

- Я всю жизнь прошу милостыню и вот скопила несколько сотен золотых, ты взял у меня займы, а теперь и половины не возвращаешь!

У-цзин достал несколько связок монет и протянул задолжавшему, чтобы тот вернул.

- Я действительно должен ей деньги! - сказал нищий. - А вы, господин, просто прохожий, но все же нашли несколько монет, чтобы разрешить наш спор!.. Я живу в местечке Лунхэцюй, и если вы, господин, соизволите посетить меня, то я непременно отблагодарю со всей щедростью.

У-цзин удивился его словам. Впоследствии, когда он проезжал через Лунхэ, то действительно нашел там указанный дом. Вошел в ворота, видит - несколько нищих сидят рядком у огня в

земляном очаге. Пройдя в дом, У-цзин увидел сидящего на возвышении человека в официальной шапке и поясе. Это был тот самый нищий-попрошайка. Нищий пригласил У-цзина садиться и сказал:

- Выпейте, чтобы согреться, немного вина!

У-цзин с глубоким подозрением в душе молчал. Нищий принялся очень усердно за ним ухаживать, но У-цзин вежливо отказывался, и так ни глотка и не выпил, лишь коснулся вина губами. Стоял сильный мороз, но на тарелках были все летние фрукты. У-цзин украдкой сунул за пазуху три персика.

Тогда нищий сложил такие стихи:

"О как вы ошибаетесь, меня подозревая!

Нельзя прожить среди людей, так им не доверяя.

В мой дом пряма дорога и проста. Не знаю,

Чего вы опасаетесь, по сторонам взирая?"

Вернувшись домой, У-цзин сунул руку за пазуху, а там вместо персиков - три кусочка золога! У-цзин исполнился еще больших подозрений и на другой день снова направился к нищему с визитом, но даже дома его не нашел, и сколько бы не спрашивал, никто про того нищего ничего не знал.

Из золота У-цзин распорядился отлить чашу для питья. Ему было уже больше семидесяти лет, а лицо у У-цзина было все еще как у юноши. Не действие ли это вина, которого У-цзин лишь коснулся губами?!

История Жу Куя

Жу Куй был из Хэдуна. Я не пишу тут его прижизненного имени, ибо оно запрещено. Жу свел знакомство с известной столичной певичкой Ху Вэнь-юань. Вэнь-юань с большой радостью принимала у себя Жу Куя, и каждый раз, когда он уходил, Вэнь-юань запирала двери. Так никому кроме Жу не удавалось попасть к ней - даже за десять тысяч золотом!

Вэнь-юань написала стихотворение "Цветы розы":

"Только об одном человеке я грущу,

Прочие цветы не могут состязаться с солнцем."

Певичка дарит стихи Чэнь Си-и

Госпожа Дань, певица из Чэнду преподнесла господину Чэнь Туаню стихи:

"Наставника такого владыкам не сыскать -
Как не состарятся во веки солнце и луна!"

Вино как нить

Однажды на пиру у Дин Цзинь-гуна провозгласили такой застольный приказ:

"Льется вино как тоненькая нить.
Лишь в лучах солнца ее заметишь!"
Ян И ответил:
"Бутылка как луна совсем,
Но коль укусишь, то сломаешь!"

Горячая тарелочка-утюг

Когда Дин Цзинь-гун бывал в своих запретных покоях, он любил, чтобы рядом горел огонь, а сам часто рисовал что-то на золе в очаге металлической тарелочкой.

Однажды, когда он пришел, тарелочка была еще горячая, и Дин приказал слуге растереть ему той тарелочкой спину.

- Вчера всю ночь слышал бой барабанов, до самого рассвета не мог сомкнуть глаз! - сказал Дин...

Три госпожи из Персикового Источника

Чэнь Чунь, второе имя Юань-пу, был родом из Путяня. Как-то он путешествовал близ Персикового Источника и, будучи очарован небывалой красотой тамошних гор и вод, взял с собой необходимую провизию и отправился по тропинке вдоль реки.

Через девять дней пути он дошел до высочайших отвесных скал. Ночью слышит - среди камней человеческие голоса. А еда у Чэня вся вышла, и он лег спать голодный. Вдруг почувствовал сильный аромат, видит - быстрое течение стремительно несет с десяток большущих цветков. Чэнь поспешно выловил из воды один цветок. Был тот размером с чи, с пятью лепестками. Чэнь его съел. Вдруг почувствовал сильную жажду, стал пить из ручья - выпил несколько ковшей.

На другой день Чэнь повстречал какую-то служанку, собиравшую на берегу яблоки.

- Это место и есть Персиковый Источник! Здесь живут три госпожи! - сказала служанка Чэню. - В верхних чертогах - госпожа Юй-юань, в средних - Линь-юань, а в нижних - Тао-юань. Послезавтра ночью в праздник осени все трое соберутся здесь!

Вечером, когда Чэнь любовался открывающимися видами с башни, стоявшей у реки, явился отрок.

- Вас зовет госпожа Юй-юань! - сказал он.

Чэнь пошел за ним. Все три госпожи уже сидели в зале, а вокруг играли музыканты.

- Прочтите, пожалуйста, одну-две строки из тех, что ныне пишут в честь луны в день праздника середины осени! - попросила Юй-юань.

"Весь вечер друг на друга глядим,
расстаться не можем.

Наполняет душу тоска,
год в разлуке провести придется!" -
продекламировал Чэнь.

- Хоть речь тут и о возвышенных чувствах, но о луне в день праздника середины осени нет ни слова! - возразила Юй-юань. - Ну а теперь - о луне в пятнадцатый день седьмого месяца! - и она сочинила такие стихи:

"Когда ветер золотые рукава колышет,
Воздух кажется свежей и еще прозрачней.
Блеск луны уже не виден - но не в том причина,
Просто свежестью дохнула чистой сама осень,

Минет год и расцветет все прекрасно, пышно.
Только я не слышу что-то пения свирели.
И летит душа куда-то в горние пределы,
Испугавшись треволнений, что присущи людям."
А Линь-аюнь сложила такие стихи:
"Поздняя осень мутна как вода.
Только округло сияет луна.
Нефритовый заяц ползет в пустоте,
Катится диск холодеющий где.
Холодно стало и иней кругом.
Корицы плоды осыпали дом.
Музыка стихла и замер мой сад.
Пусто и голо - и вороны спят."
Тао-юань сложила такие стихи:
"Дуновенье золотое очистило вечернее небо.
Ни облачка! Красками бирюза сияет.
Нынче вечером осени настала середина,
На тысячу ли кругом все пришло в движение!
Краски сияют, заполнили бирюзу пустую.
Льется свет чистый на яшмовый поток.
Наполнены кубки, к чему грустить за чашей -
Но мысли печальные тянутся вереницей..."
Потом Юй-ань спросила Чэня:
- Ну, а вы могли бы продолжить стихи Тао-юань?
И вот как Чэнь продолжил:
"К источнику святых забрел я нежданно,
И мысли унеслись в ночь.
А осенью ночь так чиста несказанно,
И люди встречаются вновь.
С кубком вина напевам внимаю,
Лодка скользит по реке.
Мысли печальные - числа им не знаю,
Тянутся, точно нить."

- Ай да книжник! - со смехом сказала Юй-юань. - Он не пробовал еще пищи бессмертных, и потому когда-то обратится в сухие кости. Но нет - смеет еще лелеять развратные мысли!

- Да это так, случайно. Просто рифмы такие, - оправдывался Чэнь.

- Ну нет, если встреча predetermined Небом, то ничего случайного тут нет! - отвечала Юй-юань. И она приказала им заключить брачный договор. Чэнь и Тао-юань стали вести легкомысленные беседы, а потом слились в близости...

Примечания

Перевод выполнен по изданию: (47).

Предисловие

Древний император Яо - один из пяти мифических императоров китайской древности, жил в тростниковой хижине, питался вареным неочищенным рисом - словом, вел простую, скромную жизнь; все свое время и силы Яо, по преданию, посвящал служению людям. Подробнее см.: (32).

Пневма-ци - основополагающее понятие китайской культуры, жизнеобразующая субстанция, подробнее см.: (17, с.163-170).

Записки о погребенных костях

Четвертый год под девизом правления Си-нин - 1071 г.

Вэй-гун - всего вероятнее, речь идет о сунском сановнике Хань Ци (1008-1075), получившем сразу после воцарения императора Ин-цзуна (на троне 1064-1067) почетный титул Вэйго-гуна.

Эньчжоу - Шаньдун.

Небесный государь Юй-юань

Небесный государь - одно из званий в даосской иерархии святых и бессмертных. В рассказе "Списки святых с горы Цюньюйфэн" приводится такой "табель о рангах": "Истинные Люди /Чжэньжэнь/ и выше - о них вам знать не положено. Далее следуют Несебные государи /Даоцзюнь/, за ними - Небожители /Тяньсянь/, за ними - Бессмертные Земли /Дисянь/, потом - Бессмертные Вод /Шуйсянь/, за ними - правители на земле. Вакансии же заполняются согласно истинным заслугам перед Небом" (47, с.20).

Лофушань - прославленная гора в провинции Гуандун, место уединения и самосовершенствования многих даосских подвижников, в том числе Гэ Хуна (283?-363?).

Цзичжоу - Цзянси.

Небесный Государь с горы Ванъушань

Гора Ванъушань - находится в провинции Шаньси.

Хэян - древний город, находился на территории современного уезда Мэнсянь в Хэнани.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

Покойный министр господин Пан - вероятно, Пан Цзи (988-1063).

Местный бог (тудишэнь) - по традиционным китайским представлениям у каждой местности был свой дух-покровитель, назначаемый туда загробным начальством для управления - как чиновник в миру людей. Часто роль таких местных богов выполняли души умерших чиновников, служивших в данной местности. Местному богу обычно приносили жертвы и совершали поклонения в специально сооруженных кумирнях.

Записки о Цы-юне

Ичжоу - Сычуань.

Тунли - некая несуществовавшая должность.

Кайфу и тун саньсы - высший ранг сановника, по которому ему полагалось держать собственный штат и канцелярию, такие же как и у высшей знати и членов императорской фамилии.

Дуньхуан - Ганьсу, здесь: образно о далекой окраине.

Цюнчжоу - область в Гуандуне, место ссылок опальных чиновников.

Сыма - помощник областного начальника по военным вопросам.

Ляо - государственное образование киданей, существовало с 907 по 1125 год.

Цзиньшуй - река, начало берет в Цзянси.

Обрил голову и облачился в черные одежды - т.е. принял постриг.

Подняться в зал - т.е. читать проповеди.

Чжан Юн (946-1015) - в сборнике Лю Фу он обычно фигурирует под вторым именем - Чжан Гуай-яй, министр, человек выдающейся внешности, эрудиции и энергии, обладавший особыми способностями в судебном делопроизводстве.

Западное небо - образно о буддийском рае.

Тунпань - старший помощник правителя области. Должность была учреждена в сунское время. Тунпани посылались на места с целью контроля деятельности администрации, военной и гражданской, и наделялись особыми полномочиями.

Кайюаньсы - известный храм в г.Цюаньчжоу, пров.Фуцзянь, был основан в 686 г.

Держать на огне палец - метод самоусовершенствования путем преодоления боли.

Любопытно сравнить эту новеллу с широко известными танскими чуаньци "Правитель области Нанькэ" и "Записки из изголовья", где также присутствует тема жизни-сна, в результате которой по пробуждении наступает прозрение.

Жэнь Юань

Праздник фонарей - отмечается в ночь полнолуния первого лунного месяца с 15-го на 16-ое, последний из цикла праздников Нового Года.

Второй год под девизом правления Си-нин - 1069 г.

Связка монет - единица денежного обращения в старом Китае. Медные монеты через специальное четырехугольное отверстие в центре нанизывались на шелковый шнур по тысяче штук, и получалась связка.

Рассуждения о стихах знаменитых господ (приводится в сокращении)

Чжан Ши-сунь (964-1049) - сунский министр.

Годы под девизом правления Цин-ли - 1041-1048 гг.

Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"

Жэнь-цзун - сунский император Чжао Шоу-и (1010-1063), на троне был с 1022 по 1063 г.

Лян - мера веса около 37,5 грамма.

Люй И-цзянь (979-1044) сунский чиновник, министр (с 1028 г.).

Фань Вэнь-чжэн - посмертное имя сунского сановника, министра, реформатора Фань Чжун-яня (989-1052).

Миньцао - такой чиновник ведал наблюдением за т.н.внешними варварами, т.е. сопредельными малыми народами.

Хань Вэй-гун - Хань Ци, см.выше.

Чжэньдин - уезд, Хэбэй.

Танский император Си-цзун правил с 874 по 889 г.

Шаочжоу - Гуандун.

Записки о наставнике Люе .

Годы под девизом правления Чжи-пин - 1064-1067 гг.

Хуэй - речь идет о танском бессмертном Люй Дун-бине, даосское имя которого было Хуэй. Подробнее на рус.яз.см.:/10, с.282-287/.

Чэн Шуй

Таньчжоу, Чэньчжоу - Хунань.

Юйбу - сокращенное название начальника Управления Природных Ресурсов в Департаменте общественных работ /Гунбу/.

Ли - мера длины, около полукилометра.

Чи - мера длины, немногим более тридцати сантиметров.

Яюань - несуществующая должность, что-то вроде начальника тюремного учреждения.

Хэнчжоу - Хунань.

Бай Ци - циньский военачальник, состоявший на службе у Чжао Сян-вана (на троне 306-250 гг. до н.э.), прославившийся не только подвигами, но и жестокостью - в 260 г. до н.э. под Чанпином он разбил чжаоскую армию и убил при этом четыреста пятьдесят тысяч вражеских воинов.

Чичжоу - Хубэй.

Записки о красной змее

Чжэнчжоу - Хэнань.

Цяньтан - уезд в Чжэцзяне, близ современного г.Ханчжоу.

Праздник зимнего полнолуния - праздновался пятнадцатого числа десятого месяца по лунному календарю. В этот день полагалось надевать новую одежду, чествовать предков. Готовили специальную бобовую кашу.

Жуньчжоу - Цзянсу.

Юань Юань

Чичжоу - Шаньдун

Линъяньшань - на территории Китая гор с таким названием несколько.

История Цзян Дао

Цзиньчжоу - Шаньси.

Восточное Цай - княжество, располагалось в Хэнани.

Я... - здесь и далее многоточиями обозначены пропуски в китайском тексте.

У Шао-чэн - танский сановник и полководец, совершивший множество ратных подвигов.

У Чжун - его имя переводится как "Верный государю".

Годы правления императора Дэ-цзуна и Шунь-цзуна - 780-806 гг.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

Земли Чэнь и Цай - древние княжества, Хэнань-Аньхой.

Записки о глиняном ребенке

Начиная отсюда, дается полный перевод приложения - позднейших реконструкций текста, выполненных Чэн И-чжуном ("Чжунхуа шуцзюй").

Способ дыхания "гуй-сю" - элемент даосской практики достижения бессмертия, особый способ дыхания, при котором воздух выходил, якобы, из ушей.

Ван Чжао-су- сунский ученый (XI в.), знаток сочинений Чжуан-цзы и Лао-цзы, поэт.

Госпожа Чжоу Чжу...

"Гуаньцзюй" - первая песня из канонической "Книги Песен" ("Шицзина"), где воспеваются добродетели невесты: "Тихая, скромная, милая девушка ты. Будешь супругу ты доброй, согласной женой" (пер.А.Штукина).

Чжоу-гун - младший брат первого императора династии Чжоу У-вана (1121-1115 гг. до н.э.), идеальный правитель китайской древности.

Серебро сюця Ли

Лянчжоу - Гуйчжоу

Чжуаньюань - почетное звание, даровавшееся первым трем из выдержавших столичные экзамены.

Министр Коу рушит храм

Министр Коу - речь идет о сунском сановнике Коу Чжуне (961- 1023), неоднократно занимавшем посты министерского ранга.

Су И-цзянь (958-997) - сунский министр, член придворной академии Ханьлиньюань.

Бадун - Хубэй.

Красное сияние Чжан Ю.

Эчжоу - Хубэй.

Господин Чэнь из Наньцзина

Год под девизом правления Цянь-син - 1022 г.

Чжан Цзюнь-фан - сунский чиновник и литератор (XI в.), автор известного даосского сочинения "Юнь цзи ци цянь".

Цзянлин - Хэбэй.

Чэнь Цун-и (966-1031) - сунский чиновник.

Цзинхунаньлу - сунская провинция, занимала территорию современных провинций Хунань и Хэбэй (юг).

Утунмяо - храм одноногого злого духа Утун, он же - Усянь Лин-гун, Улан-шэн.

И-су выдерживает экзамен

Юаньвайлан - внештатный заместитель начальника отдела какого-нибудь департамента, почетная должность.

Цай Ци (XI в.) - сунский министр.

Люй Сянь меняет имя

Сунский министр Ли Ди (971-1047) выдержал экзамены в столице первым в 1005 году.

Ся-чжоу и А-хуань

Ли Ся-чжоу - танский даос-маг (VIII в.), жил в уединении в горах. На стене своей кельи он оставил стихотворение, предрекающее мятеж Ань Лу-шаня, которое современники не поняли.

Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"

Годы Тянь-бао- 742-755 гг.

Ханьгуань - или Ханьгугуань, горная застава на северо-востоке уезда Линьбаосянь провинции Хэнань.

Му-и - ключ "дерево" и знак "перемена" составляют фамильный знак Ян, фамилию Ян Гуйфэй.

Черт под горой - иероглиф "вэй" из названия Мавэй (место, где была казнена Ян гуйфэй) состоит из двух частей - верхней "горы" и нижнего "черта".

Шу - старое китайское название провинции Сычуань, от древнего княжества, когда-то располагавшегося здесь.

Как разбогател Ши Эр

Церемония на императорском поле - ежегодный ритуал проведения первой борозды, после чего сельскохозяйственные работы считались официально начатыми.

Цун-чжэн получает продление жизни.

Юйчжоу - Сычуань.

Хуайхуа - Хунань.

Цзюньсяо - военный чин, что-то вроде капитана.

Пятый год Си-нин - 1072 г.

Ичжоу - Хэнань.

У-хоу - танская императрица У Цзэ-тянь, фактически правившая страной с 684 по 705 г.

Вторая дочь Чжан Луаня

Чжаочжоу - Хэбэй.

Четвертый год Чжи-пин - 1067 г.

Лэпин - Шаньси.

Ча Дао

Годы под девизом правления Чунь-хуа - 990-994 гг.

Император Чжэнь-цзун - Чжао Хэн (968-1022), правил с 997 по 1022 г.

Колесница была запряжена слишком поздно - иносказательно о смерти государя.

Собрание Цинсо

Фань Шу, Ся Цзин - танские ученые и литераторы.

Фан Гань - известный танский отшельник, предсказатель, физиогном.

Лю Чжао-юй (X в.) - сунский чиновник.

Учжоу - Чжэцзян.

Ляньцзян - Фуцзянь.

Ван Юнь-фу - цзиньский даос-алхимик, по преданию в IV в. вознесся на небо.

Лулин - Цзянси.

Дуаньчжоу - Гуандун.

Второй год Чан-син - 931 г.

Годы под девизом правления Тай-пин син-го - 976-983 гг.

Продолжение собрания Цинсо

Ли Цзянь-сюнь (872?-952?) Сун Ци-цю (?-958) - танские чиновники литераторы.

Хунчжоу, Гаоань - Цзянси.

Шоусянь, Лилин - Хунань.

Светлой памяти Ольги Лазаревны Фишман

История Сянь Цзи-цзюня

Сиванму – божество, согласно легенде обитающее на горах Куньлунь, где имеет на берегу пруда Яочи роскошные дворцовые покои, где произрастают персики бессмертия и где живут другие небожители.

Чжан Шин-нин возносится в сферу святых.

Улин – гора в провинции Гуйчжоу.

Певичка дарит стихи Чэнь Си-и

Чэнду – главный город совр.пров.Сычуань.

Чэнь Туань (?-989) – даосский подвижник и литератор.

Вино как нить

Дин Цзинь-гун – имеется в виду сунский министр, военачальник и литератор Дин Вэй (966-1037), которому за заслуги был пожалован титул Цзиньгогуна.

Ян И (974-1020) – сунский министр и известный поэт.

Три госпожи из Персикового Источника

Пуцянь – Фуцзянь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.М. Китайская литература, М., 1978.
2. Алимов И.А. Известия о народах южно-сунского Китая: "Записи гуйхайского попечителя гор и вод" – XXII Научная конференция "Общество и государство в Китае" (НКОГК), М., 1991, т.1.
3. Алимов И.А. К вопросу о понятии "лиса" в китайской классической литературе (до XI в.) – XIII Научная конференция "Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока", М., 1988, т.1.
4. Алимов И.А. О сборнике бицзи Ван Дэ-чэня (1036-1116) – Письменные памятники и проблемы истории культур народов Востока, XXV (в печати).
5. Алимов И.А. Предварительные сведения о "Кратких речениях из Бэймэн" Сунь Гуан-сяня (?-968) – XXI НКОГК, М., 1990, т.1.
6. Алимов И.А. Сун Ци и сборник "Заметки господина Сун Цзин-вэня" – XXIII НКОГК, М., 1991, т.1.
7. Алимов И.А. Феномен оборотничества в китайской традиции – XX НКОГК, М., 1989, т.2.
8. Алимов И.А. "Шихуа отшельника Лю-и" Оуян Сю – Петербургское Востоковедение, вып.1, СПб., 1992.
9. Буланин Д.М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей – Труды отдела древнерусской литературы. т.27, Л., 1983.
10. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. М., 1970.
11. Волшебное зеркало. Дотанские новеллы, М., 1963.
12. Вундт В. Миф и религия. Пг., б/г.
13. Голыгина К.И. Китайская проза на пороге средневековья. М., 1983.
14. Голыгина К.И. Новелла средневекового Китая. М., 1980.
15. Гуляка и волшебник. Танские новеллы (VII-IX вв.), М., 1970.
16. Добиаш-Рождественская О.А. История письма в средние века. Пг., 1923.

Лю Фу "Высокие суждения у дворцовых ворот"

17. Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и классическая китайская философия. М., 1983.
18. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1971.
19. Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. М., 1986.
20. Нефритовая гуаньинь. Новеллы и повести эпохи Сун (X-XIII вв.). М., 1972.
21. Орлов А.С. Древняя русская литература XI-XVII вв. М.-Л., 1945.
22. Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М., 1988.
23. Пурпурная яшма. Китайская повествовательная проза I-VI вв. М., 1980.
24. Рассказы у светильника. Китайская новелла XI-XVI вв. М., 1988.
25. Рифтин Б.Л. Китайская проза -- Классическая проза Дальнего Востока (БВЛ). М., 1975.
26. Танская новелла. М., 1955.
27. Танские новеллы. М., 1960.
28. Фишман О.Л. О традиционных китайских представлениях в сборниках художественной прозы XVII-XVIII вв. - Из традиционной китайской идеологии. М., 1981.
29. Фишман О.Л. Три китайских новеллиста XVII-XVIII вв.: Пу Сун-лин, Цзи Юнь, Юань Мэй. М., 1980.
30. Флуг К.К. История китайской печатной книги сунской эпохи X-XIII вв. М.-Л., 1959.
31. Цзи Юань. Заметки из хижины и "Великое в малом". Пер.с кит. и комм. О.Л.Фишман. М., 1974.
32. Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1987.
33. Юань Мэй. Новые /записи/ Ци Се /Синь Ци Се/ или О чем не говорил Конфуций /Цзы бу юй/. Пер.с кит.и комм. О.Л.Фишман. М., 1977.
34. Edwards E.P. Chinese Prose Literature of the T'ang Period, London, 1937.
35. Monschein Y. Der Zauber der Fuchsfée. Frankfurt/Main, 1988.
36. Tsiperovitch I. Ch'ing-so Kao-i - A Sung Bibliography, Honkong, 1978.
37. Ван Ин. Тан Сун бицзи юйцы хуэйи (Толковый словарь лексики бицзи эпох Тан и Сун), Пекин, 1990.
38. Лидай чжунго шихуа сюань (Избранные шихуа в Китае различных эпох). Чанша, 1985.
39. Ли Цзянь-го. Танцзянь чжигуай сяошо ши (История дотанских чжигуай сяошо), Тяньцзинь, 1984.
40. Линь Чжи-цзюнь. Линь сюй (Предисловие Линя) - Лидай сяошо бицзи сюань. Хань Вэй Лючао (Избранные бицзи и сяошо, эпохи Хань, Вэй и Лючао). Гуандун, 1984.
41. Лунь юй - Чжунго чжэсюэши цзыляо сюаньцзи (Избранные материалы по истории китайской философии). Пекин, 1964 т.1.
42. Лу Синь. Тан Сун чуаньци цзи (Сборник новелл чуаньци эпох Тан и Сун), Пекин, 1956,
43. Лу Синь. Чжунго сяошо шилуэ (Очерк истории китайской сюжетной прозы), Пекин, 1953.
44. Лю Е-цю. Лидай бицзи гайшо (Очерк истории бицзи разных эпох). Пекин, 1980.
45. Лю И-ань. Бэй Сун Кайфэн юаньюаньдэ каоча (Разыскания о парковых комплексах северосунского Кайфэна) - Сунши луньцзи, Сюйчан, 1983.

46. Лю Фу. Цин со гао и (Высокие суждения у дворцовых ворот). Шанхай, 1958.
47. Лю Фу. Цин со гао и. Шанхай, 1983.
- 47а. Оуян Сю. Лю-и шихуа. - Лидай шихуа, Пекин, 1983, т.1.
48. Сунжэнь чуаньци сюань (Избранные новеллы чуаньци сунских авторов), Чанша, 1985.
49. Сун ши и вэнь чжи, бу фу бянь (Заметки о литературе и искусстве из сунской династийной истории, дополненное и расширенное издание). Шанхай, 1957.
50. Сюй Гуй. "Мэнси би тань" чжун югуань шиши цзицзай динъю (Ошибочные сведения об исторических событиях в "Мэн си би тань") - Сунши яньцзю луньвэньцзи, Шанхай, 1982.
51. Тэн Юнь. Цяньянь (Предисловие) - Хань Вэй Лючао сяошо сюань. Шанхай, 1986, т.1.
52. Фан Цзянь-синь. Гуаньюй "Ши линь янь юй" дэ чэншу шицзянь (О времени написания книги "Ши линь янь юй") - Ханчжоу дасюэ сюэбао. 1987, 4.
53. Хань шу. Бань гу чжуань. (История династии Хань. Сост.Бань Гу). Пекин, 1964.
54. Цзю сяошо. У Цэн-ци бянь (Старые сяошо. Сост.У Цэн-ци), Шанхай, 1958, т.4.
55. Хуанду фэнюэ чжужэнь. Люй чуан синь хуа (Владыка ветра и луны из императорской столицы. Новые рассказы у зеленого окна), Шанхай, 1957.
56. Чао Гун-у. Цзюнь чжай ду шу чжи. Сунь Мэн цзяочжэн (Заметки о чтении книг в канцелярии начальника округа. Крит. текст Сунь Мэна). Шанхай, 1990.
57. Чжан Хуэй. Люэлунь Сун бицзидэ вэньсюэ цзячжи (Кратко о литературной значимости сунских бицзи) - Наньцзин дасюэ сюэбао, 1987, 10.
58. Чжан Хуэй. Тань Сун бицзи (О сунских бицзи) - Иньду сюэкань, 1989, 2.
59. Чжан Хуэй. Шилунь Наньбэй Сун бицзидэ бутун (О несходстве бицзи времен Южной и Северной Сун) - Сычуань дасюэ сюэбао, 1988, N 1.
60. Чжуан-цзы ши и (Чжуанцзы с толкованием и переводом на современный язык), Сяньнин, 1986.
61. Чжунго вэньсюэ ши (История китайской литературы). Пекин, 1981.
62. Чжэн Чжэнь-до. Чатубэнь чжунго вэньсюэ ши (Иллюстрированная история китайской литературы). Пекин, 1982.
63. Чэн И-чжун. Лунь Тандай сяошодэ яньцзиньчжи и /свидетельства развития сюжетной прозы при Тан/. - Вэньсюэ ичань, 1987, №5.

Перевод и комментарий И.Алимова